

Н а т а л и я
Т е р е н т ь е в а

УЧИЛКА

Наталия Михайловна Терентьева

Училка

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6223596*

*Училка: АСТ; М.: 2013
ISBN 978-5-17-080131-2*

Аннотация

Ее жизнь похожа на сказку, временами страшную, почти волшебную, с любовью и нелюбовью, с рвущимися рано взрослеть детьми и взрослыми, так и не выросшими до конца.

Рядом с ней хорошо всем, кто попадает в поле ее притяжения, – детям, своим и чужим, мужчинам, подругам. Дорога к счастью – в том, как прожит каждый день. Иногда очень трудно прожить его, улыбаясь. Особенно если ты решила пойти работать в школу и твой собственный сын – «тридцать три несчастья»...

Но она смеется, и проблема съезживается под ее насмешливым взглядом, а жизнь в награду за хороший характер преподносит неожиданные и очень ценные подарки.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	61
Глава 6	75
Глава 7	86
Глава 8	96
Глава 9	110
Глава 10	127
Глава 11	145
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Наталия Терентьева

Училка

*Благодарю свою дочь
за искреннее участие в написании книги,
ценные советы, поддержку,
юмор и оптимизм.*

*«Happiness is not a station to arrive at, but a manner
of traveling».*

*«Счастье – это не станция назначения, а способ
путешествия».*

М. Ли Ранбэк

Глава 1

Моя жизнь похожа на сказку. Иногда очень страшную. Иногда – волшебную, с превращениями. Наивную и добрую. Так случилось потому, что так положено в сказке. В жизни так не бывает. В моей – бывает по-всякому.

Когда-то в юности мне казалось, что все нужно успеть сделать до двадцати лет, в крайнем случае, до двадцати пяти. Это было очень глупое представление, как, впрочем, и сама юность. Возможно, у кого-то юность бывает умной и правильной. Человек получает полезную профессию. Выби-

рает хорошего спутника, вовремя рождает детей. У меня же юность была глупая, сикось-накось перекошенная. Но бурная и насыщенная яркими событиями.

Я вышла замуж за мальчика, которого любила со второго класса, и уехала в Эфиопию. Нет, мой муж не был эфиопом, он был дипломатом. В Эфиопии он заболел и умер. Я страшно переживала, совершенно не представляла себе жизни без него. Это прошло довольно быстро. Я вышла замуж во второй раз.

Второй муж мой был на десять лет старше, очень красивый, высокий летчик. Летал в Европу и обратно. Идеальный мужчина. С породистым лицом, спортивный, порядочный. Он умел готовить и зашивать себе одежду. Смотреть на него мне первое время нравилось, а говорить – нет. Мне не о чем было с ним говорить. А он хотел со мной разговаривать и философствовал все время, когда был дома. О работе, о политике, о вечном, о боге, о будущих детях, о своем детстве, о книжках, которые он читал в школе. Но мне это было совершенно неинтересно. Он был глуп. Он был глупее даже меня, а я себя особенно умной не ощущала. Возможно, потому что вокруг меня всегда были очень умные люди.

Умная мама, кандидат педагогических наук, умный папа, директор музыкальной школы, умный брат, старший, заботливый. Умные преподаватели в Университете, все до одного. Умный первый муж Павлик. Красивый и умный, редкое сочетание. Если бы он не заболел странной местной болез-

нюю, которая у эфиопов проходит легко за неделю, как наш насморк, так бы я и жила – глупая среди умных. Но Павлик умер. Родители – тоже. Преподаватели остались в Университете. А я приехала из Эфиопии и от растерянности, скорей всего, вышла снова замуж.

Два года я слушала своего нового мужа и понимала – какая же я умная. Я знаю больше, понимаю глубже, быстрее соображаю, могу анализировать, остроумно ответить... В общем, не написать ли мне книжку? Подумала я и начала писать. Муж меня не поддержал, ему-то не казалось, что я умна и остроумна, чаще всего он просил меня помолчать и послушать, что скажут старшие, то есть он.

Я развелась со вторым мужем – невозможно было дальше выносить его разглагольствования. Я его не любила, и к тому же мне было с ним некомфортно. Сочетание невыносимое для жизни.

Я вернулась в родные Воробьевы горы, в родительскую квартиру, которую благородно отдал мне старший брат. Он переехал с семьей на нашу старую дачу в Нахабино, утеплил ее, надстроил и сделал из нее настоящий загородный дом.

Жить мне одной в квартире было поначалу очень тяжело. Все напоминало о детстве. О маме, о папе. У них всегда была своя какая-то жизнь, тайны, переглядки, свои разговоры. Но все равно мне было хорошо с ними, я их любила. Первое время я даже думала – не продать ли мне квартиру и не купить ли новую, в которой я бы не начинала плакать про-

сто оттого, что на столе нацарапано моей собственной рукой «Андрюшк». Я помню даже, при каких обстоятельствах я это царапала.

Я писала Андрюшке о том, что мама, придя с работы, рассердилась на меня – я скрыла первый раз в жизни полученную двойку – и заперла меня в комнате. Я хотела нацарапать Андрюшке прощальные слова и сбежать в окно – квартира наша на втором этаже. Но вовремя пришла мама, обняла меня, объяснила, что на самом деле ей совершенно наплевать на двойку, мы ее исправим. Главное – не врать родным и близким. И мы пошли вместе готовить ужин. Странно, некоторые вещи так западают в память. Я помню, что мы пекли пирожки с капустой. Я совершенно не хотела готовить, я хотела их есть. Взять теплый пирожок, самый первый, и убежать в свою комнату, читать Жюль Верна. Но еще я хотела понравиться маме, так легко помилившейся со мной. И я старательно лепила пирожки, слушала маму. О чем мы говорили – не помню, а то, что я в тот день читала «Таинственный остров», – помню.

Андрюшка мой старший брат, похожий одновременно на маму и на папу. Внешне – больше на папу. А внутренне на маму. Спокойный, мягкий в общении, твердый в решениях. Он отсоветовал мне продавать квартиру, объяснив, что одиночество и тоска от этого никуда не уйдут. А памяти легче обитать в привычных стенах. Так я и стала жить. Одна,

с памятью о детстве, о двух коротких замужествах. И с компьютером, который мне подарил Андрюшка и на котором я быстро написала книжку о своей жизни в Эфиопии.

Я написала о том, как влюбилась в Павлика, когда он пришел к нам в класс новеньким в восемь лет. Как любила его в школе, страдала, потому что ему нравились старшие девочки, а он, красивый, стройный, белокурый, нравился им. О том, как, закончив МГУ, вышла все-таки за него замуж в двадцать два года, а в двадцать два с половиной стала вдовой. О том, как покрылся красными пятнами мой муж Павлик, как эфиопский врач лишь отмахнулся, объяснив, что у них так болеют дети, ничего страшного. О том, как той же ночью умирал Павлик, а я никак не могла объяснить врачу по телефону, что он умирает. Я никогда не видела, как умирают. Но я сразу поняла, что он сейчас умрет. Пока ко мне ехали другие русские – мы жили не в столице, Павлика назначили помощником консула в небольшой город, – я пыталась вызвать эфиопского врача. И никак не могла вспомнить, как же будет по-английски «умирать». Это легкое, короткое слово. Совсем не страшное. Но я его забыла. Неправильно произносила. Я учила в Университете и в школе немецкий язык. И врач не спешил. Он приехал слишком поздно.

Я вернулась домой, в родной город. И через полгода умер папа. А за ним – мама.

Когда мне было лет семь или шесть, я однажды слышала, как мама с папой заключили договор. Так мне, по крайней

мере, показалось. Что это был настоящий договор. Как бывает между государствами.

– Я умру вместе с тобой, – сказала мама.

– Договорились, – ответил папа, ответил очень серьезно. Не стал переубеждать.

Мне было страшно и обидно. Как это они договорились? Как они могли договориться умереть вместе? А мы с Андрюшкой? Может, нам тоже договориться и умереть вместе? Я даже пошла к нему поговорить об этом, но он меня и слушать не стал. Сказал:

– Маленькие не умирают!

– Но ты же не маленький?

– Я – нет, а ты – малявка еще, тебе не надо об этом думать. А родители пошутили просто. Иди, спроси у них.

Я не стала спрашивать. Я понимала, что Андрюшка меня утешает и обманывает. Я была глупее всех в семье, но такие вещи я всегда понимала. Маленькие еще как умирают. Наш собственный старший брат умер, когда ему было три года. Мы его не видели, ни я, ни Андрюшка, но мы прекрасно знали эту страшную историю. Как мама не хотела жить. Как потом родился Андрюшка и был совершенно не похож на того брата, как мама сначала не хотела даже его кормить, но папа ее заставил, и она очень полюбила Андрюшку. Тем более он оказался похожим на пап у, которого мама так любила.

Все это я знала. И знала, что родители не шутили. Они договорились. Как договорились, так и сделали. Папа умер от

сердечного приступа, потому что много работал, мало отдыхал и носил тяжести на даче, а мама несколько месяцев после похорон ходила черная, мало разговаривала, почти ничего не ела. Потом заболела воспалением легких и в больницу ехать отказалась. А когда Андрюшка ее отвез, уже в беспамятстве, спасти ее не смогли. Да не смогли бы и раньше, она не хотела жить без папы и как будто нарочно хотела заболеть. Ни меня не видела, ни Андрюшку, ни свою первую внучку, Андрюшкину дочку, которая только-только родилась.

Наверно, бывает такая любовь. Только у меня ее не было. Павлика я очень любила. Но жить хотела и с ним, и без него. Ни разу у меня не возникала такая мысль – что я больше не хочу жить, раз не вижу больше Павлика. Когда он умер, я хотела жить, просто не знала – как.

Ведь я любила его с восьми лет. А второго мужа, Сергея, я и не любила.

Мне казалось, что все придет потом. И большая любовь, и, наверно, все будет, как у родителей. Только, возможно, я буду чуть больше любить своих детей. Но «потом» всё никак не наступало. Двадцать пять, двадцать восемь, тридцать. Тридцать два. Тридцать три. У Андрюшки росли дети, один за другим. Двое, трое. Потом он взял на воспитание мальчика, оставшегося без родителей. Однажды встретил необыкновенную любовь, но бросить семью не смог, и очень этому радовался через несколько лет. Семья – большая, родная – осталась. И жена, похожая на всех его детей, похожих на него

самого. А любовь необыкновенная как-то приелась, стала то ли пообычной, то ли вообще показалась...

Я же очень хорошо жила. От одиночества не тосковала. С моим прекрасным образованием – филфак МГУ – я находила отличную работу. Четыре года работала в серьезном журнале редактором, написала еще одну книжку – теперь уже про Андрюшку и его любовь, даже кто-то умудрился снять фильм по этой книжке. Книжка была так себе, наверно. Фильм еще хуже. Ничего в моей жизни они не изменили. Ни денег, ни славы, ни какого-то другого занятия, еще более интересного. Я не тосковала, но я ощущала пустоту. Одной работы мне было мало. Не хватало чего-то другого. Я поняла, что изменить это может только ребенок.

После второго замужества и быстрого развода я стала смотреть на мужчин более внимательно. И чем внимательнее я смотрела, тем меньше они мне нравились. Я не встречала ни одного, с кем бы я хотела завтракать, ужинать каждый день и растить общих детей. И, подумав, я решила родить ребенка от Андрюшкиного друга, хорошего, здорового, порядочного человека, скучного, правильного, бедного. Неженатого и мечтающего о семье. Пресного учителя физики, по совместительству работающего в какой-то фирме инженером-техником. Он не умел и не умеет чистить зубы, забывает об этом, плохо одевается, читает свежие газеты, задает нелепые вопросы. Зачем спрашивать, люблю ли я его. Нет, не люблю. Я долго думала и замуж за него выходить не

стала. Очень мне это трудно было объяснить моему брату. А надо было – я не могла остаться совсем в одиночестве, лишь с двумя подружками, занятыми своими семьями, и с алиментами от физика. Андрюшка – мой лучший друг.

– Ты – самая подлая тетка из всех, кого я встречал, – сказал мне мой брат и не разговаривал со мной полгода.

У меня же теперь росли девочка Настя и мальчик Никита. От физика я умудрилась родить двойню. Физик приходил к нам сначала каждый день, когда дети были маленькие, потом устал, стал приходить реже. Потому что ночевать я его не оставляла, и раздражал он меня чрезвычайно, особенно своей схожестью с моими детьми. Его присутствие мешало мне их любить. Поэтому я решила ограничить его приходы субботами. В субботу у моих детей будет полная семья. Так я объявила и ему, и детям, и Андрюшке, который через полгода привык к своему новому состоянию – дядя двоих малышей, родных по крови, – и стал образцовым дядей, а мне опять – лучшим другом, критиком, советчиком, утешителем. Правда, утешать меня ему было не в чем.

Работала я теперь дома. Пробовала что-то писать для разных журналов, переводила худо-бедно с немецкого и даже с английского технические в основном статьи, советовалась иногда с физиком, давала ему возможность проявить себя. Сама вспомнила все английские слова, которые так плохо знала, приехав первый раз за границу. Что-то редактировала, корректировала, подтягивала чужих детей по русскому

языку... Денег категорически не хватало. Но их не хватает всегда. Физик устроился в хорошую фирму, неожиданно стал получать больше, баловать детей, дарить мне дорогие и ненужные вещи, даже оплачивать нам летний отдых на далеких теплых морях.

Первый раз он попытался поехать с нами сюрпризом. Мы сели в самолет – и увидели своего папу. Дети обрадовались безгранично. Я же поняла – или сейчас или никогда. И четко ему объяснила, когда самолет приземлился в далеком теплом городе Варна:

– Я тебя не люблю и не полюблю никогда, понимаешь? Так вышло. Нет любви. Совсем не люблю.

– А я тебя люблю, – сказал физик и прижал к себе детей. – И никого больше не полюблю.

– Ну и дурак, – пожала я плечами. – Жизнь уходит.

– У тебя тоже жизнь уходит! – попробовал поспорить со мной отец моих детей.

– У меня жизнь не уходит, а идет, не путай. Никита и Настя, рты закрыли, руки мне дали и – вперед!

Так мы и жили в то лето (и потом – когда сюрприз неизменно повторялся, с вариациями) – я с детьми в одном номере, их отец Игорь – в другом. На Игоря, вполне симпатичного, заглядывались девушки и женщины, отдыхающие одни. А он таскался за нами, мешал, грустил, вздыхал, скребся ко мне ночами, посылал дурацкие эсэмэски. Пару раз я заходила к нему в номер, и чем счастливее становился он

от близости со мной, тем тошнее было мне. Жаль, конечно. Ведь некоторые так живут. Безо всякой любви, но не страдая при этом. Мне же жить с Игорем можно было только через отвращение и страдание. Мне не нравилось в нем все. Как пахнет его кожа, как аккуратно причесана седеющая бородка, как он складывает руки на отсутствующем животе и преданно смотрит на меня, как смеется, когда я говорю ахи-нею, как ласково обнимает, как будто ему одиннадцать лет и у него нет ни сил в руках, ни нормально мужской наглости, ни опыта (опыта у него и правда нет, благодаря мне). Не нравилось, как он ест, аккуратно пережевывая еду, как пьет маленькими осторожными глотками, как замирает под натиском маленького Никиты, очень рано почувствовавшего себя в нашей семье единственным мужчиной. По субботам приходит папа, но мужчина вообще-то – он, Никитос.

И Никитос смело говорил Игорю:

– Отвянь!

Получал от меня за это подзатыльник, искренний, возмущенный, но в следующий раз так же пытался самоутвердиться за счет своего мягкого, хорошего, нелюбимого мамой, то есть мной, отца.

Настя любила отца больше. Заглядывалась на него, могла забыть про еду, запихнуть в рот кусок, начать жевать, потом положить его за щеку (не выплюнешь, а прожевывать – долго, мешает слушать) и внимать рассказу Игоря. Доброму, милому, незамысловатому, ненавязчивому. Мы с Ники-

тосом хохотали, а Настя огорченно смотрела и на нас, и на Игоря.

– Ну не могу я с тобой жить, понимаешь? Давай дружить.

– Я же мужчина, Анютонька...

Какими только нежнейшими именами не называл меня Игорь! Бесполезно было говорить ему, что они меня раздражают. Что мне нравятся – теоретически – мужчины brutальные, жесткие, хамские, у которых нет времени, ласкательных суффиксов, и от которых любимая женщина уйти просто так не сможет в соседний номер. Она уйдет только тогда, когда он отвернется и захрапит.

Но это только теоретически. Встречая в жизни хамоватого мачо, тяжело передвигающего большие ноги, медленно поворачивающего голову в мою сторону, нагло оценивающего меня с ног до головы, я испытываю не трепет, а отвращение.

Глава 2

К сорока двум годам я поняла – что-то со мной не так. Или в начале жизни, в юности, что-то сложилось не так. Но теперь уже разбираться в этом бесполезно. Всем кажется, что у меня в жизни – полный бардак. А я – довольна и спокойна. Но ведь что-то они такое видят? Почему все время что-то советуют подружки? Почему Андрюшка любит начать разговор издалека и, не дойдя до сути, махнув рукой, отступить. Тема одна – что-то я делаю в жизни не так. Но что? У меня растут дети. У детей есть хороший отец. У отца даже нет другой семьи – большая редкость среди моих подруг. У меня есть работа – так, чтобы перебиться, чтобы не зависеть полностью от нелюбимого отца моих детей. Со временем я стала называть его бывшим мужем, чтобы детям было понятнее и удобнее со сверстниками. Игоряша, как услышал однажды, обрадовался и стал с тех пор называться просто мужем. Сам себя называть, среди новых знакомых. Старые все, конечно, знали, осуждали меня и жалели Игоряшу. Другие мужики – бегают, а этот – сидит дома, читает, детей любит, а она... То есть – я. А я... Жила-жила и вдруг остановилась.

Как-то в один прекрасный день я отвела детей в школу, они уже ходили в третий класс. Пришла домой. Включила компьютер. Посмотрела на статью, которую я перевела с немецкого, – об устройстве литий-ионного аккумулятора.

Это очень важно, очень нужно. И несколько российских физиков, прочитав, что «анод, представляющий собой медную проволоку, покрытую никелево-оловянным сплавом, и катод – кобальтид лития – закручены в пустотелую гибкую пружину, что наделяет аккумулятор совершенно уникальными свойствами», схватятся за голову, закричат «Ура!», побегут дальше – улучшать, додумывать, делать мир еще удобнее. И наш Игоряша, может быть, тоже что-то придумает на досуге. Я сделала понятным это для них, с грехом пополам переведя на русский с немецкого то, что мне на обоих языках самой непонятно.

Я занимаюсь нужным делом. Я, возможно, начну писать детскую книжку о том, как моя Настька попадает в мое же детство. Я обещала это Никитосу. Настька к идее отнеслась с неожиданной прохладцей и недоверием. Никитос же, нисколько не обиженный, что в мое детство отправится не он, а Настька, все приносит и приносит мне новые идеи – что же там будет с Настькой в семьдесят девятом году, куда она должна попасть.

Обычное дело – я люблю больше Никитоса. Он мальчик. Я никуда не денусь от тайного закона всех семей. Если у мамы сын и дочка, она сына любит больше. И точка! Я это говорю себе открыто, я с этим борюсь, но ничего поделать не могу. Мне обидно за Настьку, она моя плоть и кровь, она нежная, добросовестная, чистоплотная, заботливая, но люблю я больше балбеса Никитоса, который может прийти с физкуль-

туры в одном носке, который не глупее сестры, но оценки получает ниже, дерется, встает посреди уроков и выходит побегать в коридор и вообще весь непредсказуемый, сложный, не всегда мне понятный. Не то, чтобы неразвитый... Нет. Просто развивается как-то не так, не в ту сторону.

Я погружена в детей. Их заботы волнуют меня чрезмерно. Но я не растворилась в них. Я – есть. Моя не бессмысленная работа, от случая к случаю, стала мне мала. Я хочу большего – решила я.

И я стала серьезно с собой разговаривать. Тебе сорок два года – сказала я самой себе. Можно еще устроиться на хорошую работу. На какую? Куда бы тебе хотелось? Мне бы хотелось... Ох, ну конечно, мне бы хотелось на телевидение, на большое, на центральное. Но что я там буду делать? Писать какие-то сценарии, не знаю... Что-то увлекательное, очень интересное. Но туда просто так не попадешь. Полезных знакомств у меня нет. Таких сумасшедших талантов, с которыми берут по щелчку, просто с улицы, у меня, вероятно, тоже нет. А если есть, я о них пока не знаю.

Тогда куда? Я хочу делать что-то реальное. Я хочу быть в коллективе. Я хочу быть не очень далеко от дома, потому что – Никитос. И потому что Настька. Если я буду уезжать в семь сорок утра, а приезжать в семь сорок вечера (работа с девяти до шести плюс средняя дорога по нашему городу), то Никитос совсем слетит с катушек. Перестанет учиться, пойдет во двор драться и пить энерготоник, закусывая серыми

солеными трюфелями под названием «сушеные кальмары», с непременным просмотром порнороликов в телефоне. Настька же прильнет окончательно к Игоряше, может, и уйдет к нему, что меня совершенно не устраивает, потому что я ее люблю чуть меньше Никитоса, но люблю очень. И отдавать мягкотелому Игоряше для неправильного однополого воспитания не собираюсь.

Сейчас он приходит в субботу и под моим присмотром воспитывает, сколько хочет. Например, если он настойчиво объясняет, что обидчика накажет и простит Бог, но при этом Бога нет – есть теория Дарвина, а Настька смотрит на него доверчивыми глазами, и в голове у нее при этом образуется на моих глазах такая же хлюпающая, чавкающая сопливо-интеллигентская болотная трясина, за которую, в частности, я не люблю Игоряшу, тогда я решительно вмешиваюсь. И на правах главной (в нашей странной семье, ясно, – матриархат) объясняю, что Бог есть, но пока у Бога дойдут руки до оглоуда, который разорвал Настькин дневник и написал на нем большими матерными буквами нечто ужасно-нечленораздельное, может пройти слишком много времени. А мы живем сейчас и здесь. И здесь нужно бороться за свое место под солнцем. По трупам идти не нужно, но и щеки для битья девятилетним матерщинникам подставлять тоже не стоит. Так же как и Никитосу – мягко, интеллигентно внушать, что зубы нужно чистить так, чтобы вчерашняя рыба, тушенная с чесноком, сегодня не отпугивала от него девочек в клас-

се, и что штаны каждый раз после туалета нужно застегивать, – бесполезно. Грубый хамоватый Никитос, возможно, когда-нибудь и превратится в того самого мачо, которого я так и не встретила. Но если его не останавливать, решительно и жестко, он может вырасти не в мачо, а в полного уроды, который будет ходить в спущенных штанах, разговаривать матом, курить мне в лицо и обижать девочек. Никитос слышит только строгий холодный голос. Реагирует на небо-льные подзатыльники. Чувствует жесткую логику и ей подчиняется. Восхищается остроумными шутками и от них та-ет, розовеет, лезет целоваться, неловко, сбивая меня с ног. Маленький девятилетний Никитос обладает удивительной энергией и силой. И ему должны противостоять не меньшая позитивная энергия и разумная сила.

Так, значит, работа должна быть рядом с домом. Вариантов не очень много. Рядом у меня окружное телевидение и известная радиоволна. Но я даже пытаться туда не буду. И не потому, что не попаду. Не попаду – это одно. Место скромного редактора может и оказаться свободным. Одни девочки уходят в декрет, другие иногда хотят на пенсию. Я вдруг поняла – там работа будет очень похожа на то, что я делаю сейчас. А я хочу чего-то яркого, сложного, может быть, нервного. Я хочу быть немножко главной, очень нужной, в чем-то незаменимой. И я хочу отдыхать хотя бы два месяца – опять же для того, чтобы Настька оставалась моей и чтобы Никитос рос нормальным, без эксцессов и перекосов. И мне нуж-

но быть дома во второй половине дня.

Круг поисков сузился. Дом культуры и... школа. В Доме культуры я несколько месяцев как-то работала, мне не понравилось. Одни прохлаждаются, пьют чай с утра до вечера. Другие – преподаватели, у которых кружки́, – полномочные хозяева в своей епархии. Со всеми вытекающими. Власть над детьми, над родителями, особенно в хореографических коллективах, над старичками, трогательно пытающимися заполнить свой досуг песнями, шашками, веселым общением. Я лично прохлаждалась, думала о смысле, которого нет, о вечности, которая слишком близко – это в двадцать-то три года... Пила чай, болтала, болтала, смотрела в окно – на быстро облетающие листья, на первый снег, на бесконечный снег, на черный мартовский снег... Нет, в Дом культуры не пойду. Тогда что? Школа?

Когда я училась в Университете, самым страшным прогнозом для неуспевающих студентов было: «В школу пойдешь! Больше тебе ничего не светит!» И мы, будущие филологи, они же преподаватели русского и литературы, меньше всего видели себя учителями в школе. Занятие бездарное, неблагодарное, даже унижительное – так казалось мне по молодости. А сейчас? Как мне кажется сейчас? Сейчас меня, оказывается, не так уж и пугает школа. И это лучше, чем Дом культуры. Там – в моем случае – литературный кружок. Что-то необязательное. Ребенок пришел – не пришел, сильно для него ничего не изменится. Особенно не подуришь и не по-

властвуешь над маленькими наивно-тщеславными душами. Да я и, разумеется, не хочу.

Решено. Я иду работать в школу.

– С ума сошла! – сказал Андрюшка. – Ты – и школа? А впрочем, попробуй.

Мой брат всегда понимает меня, чтобы я ни делала. Ведь даже с Игоряшей мою позицию он понял.

– Убежишь через полгода.

– Не убегу.

– Тогда через два месяца. – Он поцеловал меня в макушку. – Дерзай. Ты засиделась дома. Купи себе два костюмчика или три. Деньги есть?

– Есть. И это не главное – я имею в виду костюмчики и платишки.

– Ты удивительная девушка, Нюська. Женщины обычно сначала думают, в чем пойти, а потом уже куда.

– У тебя превратное представление о женщинах, Андрюша. Женщины бывают разные.

– Ага, зеленые и красные, – засмеялся Андрюшка. – Тебя уже взяли на работу?

– Нет еще. Но возьмут.

– Нюсенька, я боюсь за твои нервы, – простонал Игоряша, узнав о моем решении, шагнул ко мне, потеряв тапок, и попытался приобнять меня.

– И правильно, бойся, – убрала я его руку со своей талии. –

Игоряша... Мы сейчас о деле разговариваем.

Все равно он не понимает, как подойти, чтобы даже нелюбимый мужчина на время стал мил.

– Я буду тебе помогать, морально, – робко улыбнулся нелюбимый мужчина и почесал руки. – Вот всегда ты так, отпихиваешь меня. А если я найду другую?

– Игоряша, я этого не переживу, ты же знаешь. Даже не пытайся.

– Хорошо! – Игоряша радостно посмотрел на меня, ища в моем лице капли симпатии.

Я скорчила ему рожу.

– Нюсечка, ты такая красавица...

Я махнула рукой. Бесполезно! От любви вылечивает... не знаю что. В Игоряшином случае, наверно, могила. Но пусть живет. Моим детям нужен живой отец, а не воспоминание.

Игоряша тем временем гладил меня по руке и смотрел с нежностью и тревогой:

– А что, ты теперь будешь финансово от меня совершенно независима? Ты для этого в школу идешь?

– Ну вроде того. И посмотрим, как там с физруками, может, кто и сгодится на что.

От моего грубого армейского юмора Игоряша покраснелся и тут же прижал к себе Настьку, которая слушала весь разговор, делая вид, что именно сейчас ей нужно искать рядом с нами какой-то куклин сапожок.

– Мама хочет нас бросить, понимаешь, Настёныш!

– Ребенку хрень не говори. – Я поправила Настьке заколку. – Иди, спроси у Никитоса, сделал ли он математику, если нет – проверь и помоги. Хорошо?

– Хорошо, – кивнула Настька, глядя на Игоряшу. – Я сама ничего не поняла там...

– Вот вместе и разберитесь!

Мне показалось или нет, что Игоряша с Настькой моргнули друг другу, как старые добрые друзья? Вот только хорошо это или плохо? Хорошо.

– Я иду в школу, чтобы реализовать себя.

– Книжек тебе не хватает? Ты себя разве не реализуешь в книжках?

– Лишь отчасти. И денег мало. Так тоже будет мало, но стабильно. Еще мне будут носить конфеты, растворимый кофе, чай, а если очень повезет, то постельное белье, карточки в «Л'Этуаль» и подарки из «Икеи». Да, и у меня будет много цветов на Восьмое марта. А не только твои бордовые розы и белые хризантемы. Которые пахнут ничем. Пустотой. За которой ничего нет. Ненавижу их.

– Ладно, – вздохнул Игоряша. – Я понял. Я знал, что наступит этот момент.

– Радуйся, что школа. Я буду рядом. И там мужчин почти нет.

– Да? А в какую школу ты пойдешь?

– Не знаю пока. Где мужчин побольше. Физруков, военруков...

– Военруков сейчас ведь нет, кажется...

– Тогда физиков. Зря ты из школы ушел, Игоряша. Был бы у тебя сейчас шанс.

– А так нет?

– А так – нет.

Игоряша, как обычно, совершенно не воспринимал моего юмора. Он расстроился. Но зато юмор хорошо воспринимал неожиданно нарисовавшийся Никитос.

– Мама в мою школу пойдет! – сказал он и хлопнул сидевшего Игоряшу по плечу. – Не переживай! Я за ней присмотрю, в случае чего! У нее есть защитник, понял?

Я пихнула зарвавшегося Никитоса, но он в запале даже не заметил моего пинка.

– Начищу репу физруку, если он будет к ней приставать!

– Видишь, что дети за тобой повторяют! – грустно сказал Игоряша и опять сгреб Настьку, примостившуюся к нему.

– Я – учитель русской словесности по диплому, дети за мной повторяют хотя бы на хорошем русском языке. Даже если мысли так себе. «Начистить репу» – древний фразеологизм, словарь Даля, том третий, страница 331.

– Правда? – восхищенно спросил Игоряша.

– Конечно, нет, – засмеялась я. – Так, всё, диспут окончен.

Народ далее безмолвствует.

– Мам, – посерьезнел Никитос и взял меня за руку. – Ты что, правда, к нам в школу пойдешь работать? Кем? Главной учительницей?

– Завхозом. Или дворником, успокойся.

– Нет, не дворником, – вмешалась молчавшая все время Настька. – Тебе тяжело будет, мамуль. Ты худенькая. Лучше поваром. У нас очень злая повар тетя Маша. Орет так, что я есть не могу. И невкусно готовит.

– Да мне дома готовить надоело! Все-таки я пойду учительницей. Самой главной. Потому что русский язык – самый главный предмет в школе. Чтобы читать, математика не нужна. А чтобы считать, русский язык нужен. А литература тем более. Ага? А сейчас – кто со мной идет в пиццерию?

– Я-а-а-а-а! – радостно взвыл Никитос и изо всей силы пнул Игоряшу. – Папандрелло! За мной!

Вот хорошо или плохо, что мальчик относится к папе как к младшему брату? Тупому и слабому? Плохо. Виновата я.

– Нормально с отцом себя веди, ясно? – прошипела я и больно ущипнула Никитоса.

Он в ответ чмокнул меня, стукнувшись изо всей силы носом об мой подбородок.

– О-о-о-о! – Он яростно потер нос. – Ясно!

– Мам, что мне одеть? – Настька доверчиво смотрела на меня Игоряшиными прозрачно-голубыми глазами.

Может, мне полюбить Игоряшу через тридцать пять лет нашего знакомства и через девять лет после рождения общих детей? Тогда Настька не будет меня невольно раздражать.

– Надеть, Насть, не «одеть». Надеть. Что угодно. Чтобы не холодно, не мокро. Не тугое, не малое, не грязное. И по-

красивее.

– Кофточку?

– Да, кофточку, – вздохнула я и пошла помогать Настьке.

Она же девочка. Она должна любить хорошо одеваться. Это я хожу в одних и тех же черно-серых обтягивающих джинсах и покупаю новые, как две капли воды похожие на старые. И меня все равно в них безнадежно любит Игоряша. Но девочки должны по-настоящему красиво одеваться. Моя мама одевалась красиво, нарядно. Со всякими кружевами, воланами, воротничками, брошками. А я – наверно, из чувства противоречия – наряжаться не люблю. Говорить об одежде не люблю, мне скучно. Еще скучнее ходить по магазинам, выбирать, примерять, чувствовать себя идиоткой в странных модных одеждах...

Но для школы действительно придется купить что-то другое. В чем ходят учительницы старших классов? Учительница Никитоса и Настьки одевается скромно, в длинную бесформенную юбку и опускающийся сильно ниже талии свитер. Малыши пока этого не понимают. У них другие критерии: добрая – недобрая, молодая – старая, любит – не любит, справедливая или нет. А дети постарше видят уже другое. Вряд ли к старшеклассникам стоит идти в обтягивающих джинсах и невнятной толстовке – без возраста и пола. С милым ужасным малышом на груди, похожим, понятно, на кого – на маленького беззубого Никитоса, в период, когда он ползал по нашей большой квартире со скоростью квадрацик-

ла (и с таким же количеством аварий и разрушений) и надписью по-английски "I hate mornings!" – «Ненавижу у́тра!».

Глава 3

– Вам нужно начать с пятого класса, я так думаю, – сказала мне директор, очень задумчиво рассматривая мою трудовую книжку. – А вот это что за странная должность у вас была? «Культурорганизатор досуга старшеклассников»?

– Я организовывала досуг старшеклассников в Доме культуры.

– А почему ушли через... м-м-м... через полгода? И куда?

– Не смогла организовать. Ушла в журнал. Потом – в свободное плавание. Переводила, писала, редактировала чужое...

Директор смотрела на меня без улыбки. Так, уже плохо. Синдром Игоряши. Атрофированное чувство юмора. Очень часто это хорошо сочетается с гипертрофированным чувством собственного квазидостоинства. «Всё – в принципе вообще всё – может нарушить мое нерушимое достоинство и честь. И я его защищаю априори. Чтобы не снесли ненароком случайной шуткой».

– Почему не смогли? – На лице директора по-прежнему не было и намека на улыбку.

Интересно, по каким критериям она меня оценивает? Меня и всех своих учителей. Вот мы скоро и узнаем.

– Не знала, что с ними делать, со старшеклассниками. Сама слишком молода была. Мне стало скучно. Были наполео-

новские планы.

– А сейчас?

– А сейчас у меня планы реальные и двое детей.

– У нас учатся? – быстро спросила директриса.

– Да.

– В каких классах?

– А можно, я не буду говорить? В младших. У них другая фамилия, папина.

– Вы в разводе?

Я секунду поколебалась. Вряд ли стоит говорить о нашей оригинальной форме брака, о вечной неудовлетворенности Игоряши, который проходил у меня в женихах десять лет и пока не может рассчитывать на повышение по должности.

– Да, в разводе.

– Муж женат?

– Смешное время у нас, правда? Вряд ли бы наши родители поняли ваш вопрос.

– Простите? – Директор подняла ровные, аккуратно выщипанные брови.

Судя по ее одежде, она не такой уж консервативный человек. Ковбойская рубашка в красно-синюю крупную клетку, черная кожаная жилетка, задорная стрижка в разный цвет крашенных волос – и белые, и рыжие, и пегие прядки. Ногти короткие, но с черным лаком, крупное кольцо. Я присмотрелась – нет, не с черепом, конечно, как мне показалось вначале. С каким-то восточным символом. А что тогда разгова-

ривает со мной, как будто инструкцию по противопожарной безопасности, написанную в пятьдесят восьмом году, читает вслух?

Я вежливо ответила:

– Нет, муж не женат. Он воспитывает наших детей.

– А... – Она несколько растерянно посмотрела на мои руки. – А вы... замужем?

Ого, ничего себе. Я на работу поступаю или в услужение? Я должна буду впредь отвечать на подобные вопросы? Это не территория моей личной жизни? Не территория. Директор должна знать о сотрудниках многое, чтобы... Наверно, зачем-то должна.

– Я не замужем. Ни официально, никак. Я тоже воспитываю наших детей.

– Ясно. – Директор еще напряженнее стала вглядываться в меня. – Говорите, никогда не работали учителем...

– Не работала.

– А почему решили прийти в школу?

– Захотелось работать. Активно, много. Общаться.

– Веселья особого не обещаю, – сдержанно заметила директор. – Можно взглянуть на остальные документы? Вы заполнили анкету?

– Не был, не состоял, не участвовал. – Я протянула ей анкету. – Папа – Данилевич, я – тоже. Дети – Воробьевы, как их отец. Мама – Синицына. Была.

Директор взглянула на меня так, как будто я говорила ка-

кие-то непристойности.

Кажется, я ей не нравлюсь. Полагаю, это ерунда. Я же не с ней собираюсь работать. С детьми. Или я чего-то не понимаю? Я должна понравиться работодателю? Но меня, например, ненавидел хозяин и директор журнала, в котором я работала одно время ответственным редактором. Но я была очень хорошим редактором. Мне было скучновато. А работала я быстро, с фантазией – ее, правда, приложить в техническом информационном издании было трудновато, но я старалась. Искала самые сенсационные в научном смысле материалы, удачно компоновала их, заставляла художника интересно оформлять, сама переписывала на понятном языке, чтобы могли прочесть не только двое-трое узких специалистов. И директор-хозяин, скрепя сердце, назначил меня главным редактором. Но я не вовремя для карьеры забеременела и ушла рожать, растить, кормить, так и не побывав главным редактором.

– У вас по зарубежной литературе средних веков была тройка? – вдруг спросила директор, внимательно читавшая вкладыш к диплому.

– Это как-то повлияет на мое трудоустройство?

– Мне не кажется, что мы сможем найти с вами общий язык, – ответила директор и вернула мне вкладыш с отметками, диплом и анкету, которую я накануне старательно заполняла, разборчиво и подробно. – У вас плохой характер. Вы не работаетесь с коллективом.

– Мне всегда казалось, что учитель работает с детьми. Он должен любить и понимать детей. Не так?

– А вы любите и понимаете детей?

– Своих – да. С чужими – не пробовала.

– Вряд ли у вас получится, – ответила мне директор. – Благодарю вас. Простите, у меня скоро совещание в городе, мне нужно еще подготовиться.

– Вы мне говорите «нет»? – уточнила я.

Директор лишь улыбнулась и покачала головой. Видимо, я очень сильно нарушила законы, пошла напролом. Вот лыжня, по ней все без труда скользят. Вот тропинка на худой конец, топай себе на здоровье, если на лыжах не умеешь или не хочешь. Зачем лезть в чащобу, в заросли, по пояс в сугробах? Так короче и смешнее?

– Всего доброго, – попрощалась я как можно доброжелательнее.

– И вам не хворать! – ответила мне директор.

Может быть, я ошиблась насчет ее чувства юмора?

Вернуться и сказать, что она – классная тетка, только сама этого не знает, и я смогу с ней работать? Вряд ли она это оценит.

– Андрюшка, меня не взяли на работу! – позвонила я брату часа через два, чуть отойдя от совершенно неожиданного для меня фиаско.

– Это хорошо или плохо? Не пойму по твоему голосу.

– Плохо.

– Я же говорил тебе – костюмчик давай тебе купим, нормальный, приличный, дорогой...

– Что это изменит?

Как иначе – Андрюшка будет утешать меня моими же шутками. Шутим мы похоже, друг друга понимаем хорошо, но не все люди слышат то, что слышим мы.

– Пока будут разглядывать, думать, настоящий ли, фирменный ли, сколько стоит, пойдет ли им, толстым и самым красивым, такой фасон, ты все свои вольности и глупости быстро скажешь, замолчишь, и все увидят, какая ты милая, контактная, здоровая, умненькая.

– Я – глупая, Андрюшка. Я только рядом с твоим другом Игоряшей умная. А так – глупая. И я устала от технических переводов. И правда хочу в школу. А меня не взяли.

– Слушай, а в институт не хочешь? Я подумал, наверно, смогу тебя устроить. В областной пед бывший, а, как?

– Нет, я хочу с детьми. Вот хочу как-то, и всё, мне интересно.

– Это до первого убитого тобой дебила, Нюська. Но раз уж ты хочешь, спорить бесполезно. Хоти. Иди в другую школу.

– В другую не хочу, хочу в эту.

– Почему?

– У меня тут подружки. С пионерских времен.

– Вспомнила! – засмеялся Андрюшка. – Еще бы царя Гороха вспомнила!

– Я при царе Горохе не жила, я же не такая старая, как ты.

А в пионерское время у меня были подружки. Мы вместе в городском пионерском штабе занимались.

– Ну да, я помню. У тебя даже рубашка особая была. Изольна, с шеврончиками. И пилотка. И что?

– Они, оказывается, в этой школе работают.

– Ты что, раньше не знала?

– Нет! Настька и Никитос в отдельном здании для малышей учатся. А подружки – одна биологию преподает, другая математику, что ли, я не поняла. Случайно встретила, когда пришла.

– Что, сразу обеих? – недоверчиво спросил Андрюшка.

– Сразу обеих, представляешь! Они из столовой шли!

– Хорошо пахнет из столовой?

– Ужасно!

– Всё, тогда не ходи в эту школу.

– Андрюш... И директрису я тоже знаю. Только она немного старше.

– Ты ей сказала?

– О чем? Что она старше?

– Да нет, – засмеялся Андрюшка. – О том, что ты ее помнишь!

– Так и она меня помнит! Она мне сказала, что помнит. Я ей книжку свою с подписью подарила – «в память о пионерском детстве».

– И она тебя не взяла?

– Нет.

– Почему?

– Я слишком вольно с ней разговаривала, высмеивала всё, шутила без остановки...

– Ясно. Должности такой в школе нет.

– А разве плохо, если учитель остроумный?

– Детям, наверно, хорошо, а коллегам – не уверен. Ладно. Ну что, пиши книжки дальше. И немцев переводи. Я люблю твои переводы читать. Ничего не понятно, но ужасно интересно, слог такой отличный.

Подбодренная братом, я решила в школу больше не устраиваться. Действительно, если всё решают мои две-три дурацкие шутки...

– Анна Леонидовна?

Я не узнала голос звонившей мне дамы. И только через несколько фраз поняла, что это одна из моих пионерских подруг, учительница то ли биологии, то ли математики в той школе, куда я так безуспешно ходила устраиваться на работу.

– Роза, ты, что ли?

– Да, – дама слегка замялась. – Да, Аня, это я. Как поживаешь?

– Нормально. Хорошо.

– Ты работу нашла?

– Да я все время работаю. Только дома. Вот сейчас книжку новую начала, детскую, и статьи перевожу для «Техники сегодня».

– Понятно. Ты знаешь, Маргарита Ивановна просила тебя

зайти.

– Директриса?

– Директор, – поправила меня Роза.

Наверно, зря я так с ними. Они же стали начальницами. Роза – замдиректора. Большие начальницы в своем маленьком коллективе. Да и не таком уж маленьком. В подчинении столько детей, а значит, и их родителей! И для других учителей Роза ведь тоже начальник, полагаю.

– А ты учителям тоже начальник?

– Что? – растерялась Роза. – Что ты говоришь? Не понимаю.

Она не понимает. А я хотела идти работать в школу и стать такой же? Не понимать обычных человеческих слов? Она бы поняла, но она сейчас настроена говорить официально, а официальный слог, по привычке, не содержит шуток.

– Роз, вот наш нынешний президент шутит где угодно. Не стесняется. Ты же знаешь. И правильно делает. Я не за президента, я за шутки. Так жить веселее. «Смеясь, человечество расстается со своим прошлым». Не помню, кто это сказал, но это очень правильно.

– Это сказал Карл Маркс, – спокойно пояснила мне Роза.

– Да, идея коммунизма с треском провалилась, а мысли хорошие были. Смеясь, расстается и, смеясь, мирится с настоящим – это уже от меня. Денег при этом столько же – как не было, так и нет, проблем – тоже. Но жить как-то лучше. И я вот – просто шучу. Ничего особенного.

– Да, – медленно ответила Роза. – Маргарита говорила, что ты немного странная.

– Да я сильно странная!

– Ладно. Я не могу долго болтать. Слушай, у нас тут учительницу русского переманили. Ушла с повышением. Ушла по знакомству в частный лицей директором. Сама каша манная – какой из нее директор! А у нас теперь словесники давятся от нагрузки, стонут.

– Так им денег платят больше, нет?

– Нет. Деньги теперь на учеников выделяют, что называется, подушно. Ты разберись в этом, пригодится. Поэтому к ученикам по-другому относятся. Каждого ценят.

– За деньги, которые на них выделяют?

– Аня, давай ближе к делу. Ты в школу идти не передумала? Хотя бы временно? А то у нас учителя падают от усталости, и уроки вести некому. А у тебя все-таки образование хорошее. Потом, может быть, кто-то найдется...

Я услышала всё, что сказала и не сказала мне Роза. Но я ведь хотела работать в этой школе? Чтобы через год Никитос бегал по коридорам старшей школы под моим присмотром. Он начнет задиаться к старшеклассникам, они его будут бить, это точно. Хотела ходить по тем же коридорам, что и он, и Настька. Чтобы никто не обидел хрупкую Настьку. Собиралась я и общаться со своими пионерскими подружками. Теперь, правда, последнее обстоятельство у меня начало вызывать легкую панику. Кто-то из нас сильно изменился.

Скорей всего, все. Ушли в разные стороны. Ну и ладно. Зато школа рядом с домом. Школа хорошая, крепкая...

Решено! Они сделали так, как хотела я. Кто-то где-то меня услышал и позвал ту учительницу русского и литературы в частный лицей. И для меня освободил место. А Игоряша еще говорит: «Бога нет! Есть естественный отбор!» По естественному отбору меня забраковали, а по другому, по тайному, – позвали. Иди, Анюта, работай в школу. Ты хорошая девочка, не слишком юная уже, но бодрая, крепкая, живая. И себя найдешь, и детям – чужим – что-то дашь, возможно. И свои будут тут как тут, присмотрены.

– Да, Роза, спасибо, я поняла. Когда приносить документы?

– А сегодня и приноси, что тянуть. Сможешь?

Я взглянула на часы и на себя в зеркало сбоку на стене.

– Смогу, – подмигнула я своему отражению в зеркале.

Приятно, когда твои проблемы решаются в высших сферах. Зачем только так сейчас все совпало? Чтобы я радовалась и заодно пасла своего маленького и очень активного Никитоса? Или для чего-то другого?

Глава 4

– Мамуль, тебе эта кофточка очень идет! – Настька за завтраком потянулась ко мне и погладила меня по груди. – Очень красиво.

– Ага! – активно согласился Никитос с полным ртом и изо всей силы неловко шлепнул ложкой по каше. – Ой...

– Силушка богатырская, Никитос, да ручки-криво-ручки! Ай ты, господи...

– Мам, извини, хочешь, я водой тебе замою... – Никитос, сам измазанный кашей до ушей, застыл с полной ложкой.

Я посмотрела на пятно на блузке.

– Да ладно! Я лучше переоденусь. Доедайте.

В своей комнате я быстро скинула нарядную блузку, которую я накануне купила, в стиле своей мамы – с большим односторонним жабо. В мамины времена асимметрии в одежде еще не знали. А сейчас – самая фишка. С одной стороны пусто, с другой – густо – взбитая пена кружев. Глупо и нарядно до безумия. Вот и хорошо, что Никитос не рассчитал и брызнул на меня. Не мое это. Подумав, я и костюм сняла. Наде ну как-нибудь... На праздник. Я влезла в привычные тугие брючки. Не знаю, мне нравится. Свитер подлиннее, попрличнее, белый, скажем, вот и нормально. Лишнего не видно. А у меня приятное подтянутое ощущение. И в белом я выгляжу мирно и свежо. Вчера убегались на лыжах с малышкой

и Игоряшей – так румянец на пол-лица. И косметика никакая не нужна. Кстати. Я сняла украшения, которые теперь ни к чему. Вот, всё привычно и нормально. Я волнуюсь, что ли? Ну да. Мне важно, как меня встретят.

– Мам, ты, главное, запомни, как их зовут. Поняла? – напутствовал меня Никитос. – А то у нас училка по английскому никого не зна...

– Учительница, Никита, а не училка.

– Ну да. Вот она... а-а-а... – Никитос, прыгавший на одной ноге, не удержался и упал в сугроб. И стал тут же громко хохотать, совершенно не собираясь вставать.

– Никита!

– Мам, он так и в классе хохочет, а Юлия Игоревна плачет, – сообщила мне Настька.

– Плачет? Отчего?

– Не знаю. От горя, наверно.

Я рывком за шкурку подняла Никитоса и стала отряхивать с него снег.

– Мам, плохо в темноте ходить в школу, правда?

– Правда. – Я поправила шапку Настьке, уцепившейся за мой карман. – Карман мне не оторви, за руку держись. Никитос, имей в виду, если ты не перестанешь Юлию Игоревну доводить, я тебя в другую школу переведу.

– В коррекционную? Я – за! Там уроков не задают. Ой, мам, кажется, зуб сейчас выпадет! – Никитос, не останавли-

ваясь, полез всей пятерней себе в рот.

– Мам, он вчера на уроке один зуб себе вынул. И хотел еще Колянчику вынуть. Но Юлия Игоревна не разрешила.

– Насть...

Я не знала, что сказать. С одной стороны, я должна все это знать. С другой – получается, что Настька сейчас ябедничает на своего собственного брата.

– Так, знаете, люди, я вообще-то волнуюсь. Я первый день иду на работу. Хорош меня терзать по пустякам. Зуб свой оставь в покое, а ты, Настя... – Я взглянула на доверчиво хлопающую глазами Настьку.

Вот ведь слышит мой недовольный голос, а все равно смотрит доверчиво и нежно. А я, мать-сволочь, – за сына, потому что мне так природа велела. Любить сына. Когда-то он станет последним мужчиной, которому я захочу нравиться. Да и сейчас, собственно, единственный.

Я не стала ругать Настьку, переложила оба портфеля в одну руку и другой взяла ее замерзшую ладошку.

– Где твои варезки?

– Вчера промокли. Я их сушить положила...

– Ясно. Ты справилась с математикой? Я даже не проверила.

– Справилась! – радостно улыбнулась Настька. – У меня тоже зуб шатается, мам. Только я не дам Никитосу его вырывать.

– Хорошо.

Моя милая девочка, она давно привыкла к тому, что ее слушают только тогда, когда Никитос наконец наорется и замолчит, передыхая.

— А, да, вот, мам! — Никитос шел и стучал меня по руке до тех пор, пока я не посмотрела на него. — Мам, мам, мам! Я же чуть не забыл тебе сказать! Вот наша училка по английскому...

— Учительница! — теперь уже Настька поправила его и тут же полетела в снег.

— Все, народ, как хотите. Вы играйте, а я пошла. — Нагруженная их стопудовыми чемоданами с учебниками, я быстро направилась вперед.

— Ма-ам! — завыл Никитос за двоих. — Подожди! Я же не спросил вчера самое главное!

— Что?

— А ведь правда, что Воробьевы горы в честь Воробьевых названы? Значит, в честь меня и Настьки? Я сказал, а Юлия Игоревна долго ругалась... Она сказала, что у меня... м-м-м... как это... Насть, как это слово?

— Псевдомафия! — сказала Настька, наконец догнав меня и снова уцепившись за карман.

Я засмеялась.

— Псевдомафия... Что это?

— Ну или... какая-то веломафия...

— Мания величия, что ли?

— Да, да, мания! Представляешь, мам?

– Всё, побежали! Держитесь оба за меня и больше не падайте, пожалуйста!

Хорошо иметь ребенка, а двоих – еще лучше. Комплект девочка-мальчик сильно добавляет к полноте бытия. Не знаю, что я скажу потом, когда они вырастут. Но пока мне кажется, что именно как-то так и должно всё быть.

– Здравствуйте, меня зовут Анна Леонидовна. Садитесь, пожалуйста.

Я смотрела на детей. Дети они или уже не дети? Одиннадцатый класс. Не думала, что именно с таких учеников начнется моя жизнь и работа в школе. Мне сказали, что это экспериментальный класс – русский и литература у них в полном объеме, не делятся по профилям. Делится история и физика. Сейчас передо мной сидел весь одиннадцатый.

– Садитесь... – от растерянности повторила я.

Кто-то, собственно, и не вставал. Сидел, развальясь, и разглядывал меня. Кто-то не сел. Стояли задом, вполоборота, общались, что-то друг другу показывали. Один пошел к двери.

– Ты, прости, куда идешь? – поинтересовалась я.

Мальчик-дядя, не обернувшись, проговорил:

– Отвали.

– Не обращайтесь внимания! – красивая девушка, сидящая на второй парте, громко и уверенно обратилась ко мне. – Он урод.

Урод, уже открывший дверь, обернулся на девушку и выплюнул грязное словцо. Та даже не шелохнулась, не ответила.

– Ignore, это правильно, – заметила я и увидела интерес сразу на нескольких лицах.

– Я не понял, у нас какой сейчас урок? – проговорил кто-то с задней парты. И нарочито громко зевнул.

– Русский, Громовский! Проснись, – сказала, не оборачиваясь, всё та же красивая девушка. – А действительно, почему ignore, а не «игнорируй»? Это не одно и то же?

– Нет, – улыбнулась я. – В русском «игнорировать» есть легкое раздражение, поза, негативный оттенок. А английский слово нейтральное. Не хорошее, не плохое. В этом разница.

– А вы что, английский хорошо знаете? – лениво спросил юноша с очень странным лицом, худым, похожим на обтянутый кожей череп. – Или только так, для понтов? Подготовились?

– Подготовились, – кивнула я, чувствуя легкую тревогу. – И для понтов. Хорошо я знаю немецкий и русский.

А что они, собственно, так на меня нападают? Во мне что-то не так?

– Не обращайтесь на них внимания, – ответила на мои мысли красивая девушка. – Я – Саша Лудянина.

– А тебя как зовут? – спросила я некрасивого наглого юношу.

– А меня зовут на «вы», – ответил он мне.

– Может, вы выйдете вместе с первым товарищем? – спросила я его.

– Во-первых, Шимяко мне не товарищ. Вам Лудянина объяснила, что он урод, для всех нас урод. А во-вторых, не разбрасывайтесь лучшими учениками, Анна Батьковна. Сначала разберитесь, кто есть who в этом классе.

– Миша! – одернула его красивая Саша Лудянина. – Успокойся, хватит. Анна Леонидовна, это Миша Сергеев, наш почти медалист.

– А почему почти? – машинально спросила я, тут же подумав, что не стоит, вероятно, поддерживать все темы, которые подкидывают мне эти переросшие школу детки.

– Потому что медаль мне на фиг не нужна, – ответил Миша и с хрустом потянулся, привстав на стуле. – Геморрой в вашей школе зарабатываешь.

– Ты хочешь обсуждать состояние болезненных трещин в своем заднем проходе? – спросила я Мишу, не очень уверенная, что последует за этим вопросом.

Миша сильно покраснел. И даже встал из-за стола. Ничего себе. Ну да, они еще дети. Хамские, ужасные, с четырнадцати лет пытающиеся повторить то, что они с двенадцати или раньше видят в мировой сети, где открыты двери в чужие спальни, в притоны, в туалет, в гинекологический кабинет, в психиатрическую клинику. Всё, что человечество прятало от своих же собственных глаз, теперь можно посмотреть в лю-

бое время, в любом месте, в любом возрасте. Не пощупать, и не потрогать, и не понюхать, но посмотреть в деталях. А вот пощупать – они пытаются организовать себе сами, кто как сумеет – в летних лагерях, дома, пока нет родителей, в кустах на даче.

– Вы считаете, что я маленький мальчик, которому можно говорить всё, что вам в голову придет? – спросил меня Миша, красный и злой.

– Теку подкинул ты. Я лишь развила ее до логической точки. Точнее, запятой.

– Не надо, – сказал Миша. – Я понял. Писать что-нибудь будем?

– Ты присядь, разберемся. Писать, читать, разговаривать... Всё будем.

Я осмотрела класс. Никто больше не вступал в разговор. Несколько человек играли в телефон или на планшете. Кто-то, по всей видимости, смотрел в планшете видео. Сидящая на первой парте девочка увлеченно рисовала в стиле аниме. Огромные кошачьи глаза с вертикальными зрачками, синие волосы, острые углы локтей и коленок...

– Электронные устройства свои мне все на стол сдайте. Напишем небольшую проверочную работу, – сказала я.

– Чё? – раздалось всё с той же задней парты. – Ты научи сначала, потом проверяй...

Хорошая крепкая школа. Девочки-учительницы, которых я знаю с детства. Девочки хорошие – были, по крайней мере,

когда-то. Школа – одна из лучших в округе. А что происходит в худших? Но эти дети точно не у всех на уроках так себя ведут.

– Сюда подойди, смелый! – позвала я парня с задней парты.

– Да пошла ты! – Высокий парень с всклокоченными по моде светлыми жидковатыми волосами громко включил музыку. – Мужики, у меня тут кое-что есть, подваливайте!

Так. Я или проиграю сейчас навсегда или заставлю его замолчать.

– Он беспризорный, бездомный? – спросила я Сашу.

– Да что вы! Богатый мальчик. Папа его фуры гоняет по всей России.

– Шофер, что ли, папа?

– Сама ты шофер! – откликнулся парень. – Олигарх мой отец!

Я вопросительно посмотрела на Сашу. Она покрутила пальцем у виска.

– А что же ты, дитя олигархов, в такой простой школе делаешь?

– Тебя не спросил!

Я обратила внимание, что на его предложение посмотреть что-то коллективно откликнулся только один мальчик. Подошел, но поглядывал на меня при этом с опаской. Чего-то они все-таки боятся. Кто-то просто не будет так себя вести, это не всеобщая норма. А чего боится сам этот парень?

– Как его зовут? – спросила я у Саши.

– Илья. Громовский, – ответила девочка, вложив всю свою неприязнь в эти два слова.

Да, надо быстро понять расстановку сил. А она непростая, это ясно.

Как бы поступил учитель тридцать лет назад, я не знаю, у них не было таких возможностей. Но тридцать лет назад такие Илья Громовские в крепких московских школах все-таки не учились. А если и учились, то не до выпускного класса. Но я-то могу поступить так... Я быстро открыла электронный журнал. Хорошо, что я успела разобраться в этом вчера, когда специально вечером пришла в школу, чтобы оглядеться в кабинете. Меня предупредили, что кабинет дали временно. Видимо, чтобы не очень в нем располагалась. Во мне видят человека временного – и ладно. И я никого не обманываю, я тоже не знаю, сколько здесь продержусь.

В журнале я открыла персональную страничку Громовского. Как удобно. Всё передо мной: мама – домохозяйка, телефон; папа – владелец автотранспортной компании, два телефона, адрес. Ничего, кстати, особенного, Ломоносовский, 36, я знаю этот дом. Олигархи там точно не живут. А если бы и жили. Я набрала номер его отца на своем ноутбуке:

– Ну что, Илья, звоним отцу?

Громовский ничего не успел мне ответить. Открылась дверь, и в кабинет вошла неспешно и важно Роза. Огляделась.

– Как дела? Познакомились с новым учителем? – спросила она класс.

Несколько человек вразнобой ответили:

– Познакомились! Да, Роза Александровна!

Ага, ясно. У Розы есть авторитет. Кто-то из детей даже попытался привстать, приветствуя ее. Здорово. На чем держится авторитет, узнаем позже.

Роза мельком взглянула на мой ноутбук, на котором я успела открыть программу Skype – для видеосоединения с отцом Громовского. Роза едва заметно качнула головой, но ничего не сказала. Я не поняла, что она хотела бы мне сказать.

– Илюся! – обратилась она приторным и притворно-сладким голосом, не предвещавшим ничего хорошего, к Громовскому. – Как дела? С головой сегодня у нас как?

– Нормально, – буркнул Громовский и уткнулся носом в планшет.

– Головушку-то подними, чай не оторвется! – так же умильно продолжала Роза, решительно направляясь к Громовскому. – Ай-яй-яй, какие тут у нас картиночки... Можно всем показать? А у самого ничего нигде не зачесется от таких картиночек?

– Гибель цивилизации, – подал голос некрасивый худой мальчик Миша. – Бесполезно. Гром погиб первым. Тянет всех за собой.

– А по морде? – незло и лениво огрызнулся Громовский и

захлопнул кожаную крышку планшета. – Все, Роза Александровна. Я слушаю.

– Вот и слушай, Илюся, слушай, будь хорошим мальчиком, ага? – Большая Роза нависла над Громовским своей туго обтянутой фиолетовым пиджаком грудью.

– Ага, – Громовский, кривясь и ерзая на стуле, посмотрел на ее огромный бюст.

Я открыла рот, чтобы пошутить, что в тени Розиного великолепия даже Громовский померк, и закрыла. Я пока пасую. Мне надо быть чуть осторожнее. Я не знаю правил. Я ничего не понимаю. Я даже не знала, что так можно разговаривать с учителем и оставаться учеником хорошей крепкой школы.

Роза прошествовала по классу, выразительно щелкнула пальцами перед носом Миши Сергеева.

– Да я что? – спросил он. – Я же только за правду и за объективность.

– Вот-вот, Мишаня, вот-вот, за них, за родимых. Если бы не ты, мы бы тут ваще... – Роза засмеялась. – Анна Леонидовна, я еще зайду! Вы их нагружайте, не стесняйтесь. Они очень сильный класс, да, одиннадцатый «А»?

– Да, – нестройно ответили несколько голосов.

– А что, есть одиннадцатый «Б»? – спросила я, когда дверь за Розой закрылась.

– Нет! – засмеялась Саша Лудянина. – Просто так положено. Нумерация начинается с «А».

– Вот и отлично. А теперь все-таки проведем небольшой тест.

– На «ай-кью»? – поинтересовался Миша.

– Да, на коэффициент отсутствующего интеллекта, у кого в какой степени он отсутствует – полностью или частично.

– Хотите сразу узнать результат? – спокойно спросил меня молчавший всё время и внимательно слушавший мальчик.

Я давно обратила на него внимание и ждала, когда он хоть что-то скажет, чтобы убедиться – я не ошиблась.

Мне казалось, что он хорошо говорит, спокойно, умно. Он тоже не очень красив, но, наверно, мальчики в семнадцать лет все в большинстве как щенки в год-полтора. Уже не щеночки и даже не щенки, но еще и не молодые кобельки. Лапы выросли, тело не доросло. Всё наполнено соками, всё время беспокойство, хочется лаять, задиаться, бегать, нюхать, обращать на себя внимание, драться, отстаивать свое место в стае... Мой маленький Никитос тоже очень скоро почувствует свою мужскую природу, начнет интересоваться глупостями, гадостями, будет тайком рассматривать, как растет и изменяется его мужская природа, откровенная, выпирающая. Будет отводить глаза, стесняться, обсуждать с мальчиками, как да что, – не со мной же обсуждать, и не с Игоряшей, который сам толком не знает – как да что...

– Результат? – переспросила я мальчика. – Представься, пожалуйста.

– Николай Зимятин.

– Хорошо учишься?

Он спокойно посмотрел мне в глаза:

– Да.

Так, вот тут, кажется, есть какая-то надежда. Что далеко не пошлют, может, и вообще посылать не будут. Если что интересное скажу, то, пожалуй, займу пытливым мозг этого юноши.

– Ты можешь предсказать результат? – Я сознательно не дала ему ответить: – И все-таки попробуем что-то написать.

– А вы листочки раздавать будете? – спросила полная девушка с сильным румянцем, которая, одна из немногих, не рисовала, не играла, не смотрела фильмы. Ее хоть что-то интересовало во мне.

Хоть что-то. Хоть ее. Хоть кого. Я, такая интересная, смелая и разносторонняя, не могу справиться с парочкой наглых кобельков-недоростков?

– Изложите свое мнение по следующему вопросу, господа...

– Попроще нельзя? – подал голос Илюся, как странно называла большого глупого мальчика, или уже давно не мальчика, моя пионерская подружка Роза. Или уже не подружка? И не пионерка?

– Попроще – только если для тебя. А другим – нет.

– Для меня тоже не надо, – вдруг мирно согласился Илюша. – Давай, начинай.

– Давай договоримся так. Ты меня называешь на «ты», я

тебя называю дебилом. Пойдет?

– Пойдет, – радостно согласился Илюся. – Димон, снял на телефон? Ща мы на сайт Генпрокуратуры это вкачаем... – Он очень глупо заржал. Хотела бы сказать «засмеялся», но это, увы, не тот глагол.

– Анна Леонидовна! – Миша даже поднял руку, чтобы обратить на себя внимание.

Ясно. Два центра, вероятно. Оба наглые, оба с претензиями. Один – интеллектуальный, другой – дебильный. Ведут борьбу с учителем и между собой. При случае могут объединиться.

– Я слушаю тебя.

– Можно поменьше внимания – туда? – Миша махнул рукой, не оборачиваясь. – Еще есть мы. И совершенно неинтересно все время слушать Громовского.

Я посмотрела на Колю Зимятина. Он спокойно и с интересом наблюдал за нашей очередной схваткой с Мишей и Ильей. Пока не вмешивался. Мне хотелось, чтобы он вмешался? Чтобы один семнадцатилетний мальчик начал защищать меня от других? Я привыкла быть младшей сестрой Андрюшки. Зачем я тогда поперлась в школу?

Всё, есть три человека как минимум, которые доброжелательно и... (чтобы не опережать события) скажем, – нормально отнеслись ко мне. Саша Лудянина, Коля Зимятин и еще полная девочка, имени которой я не знаю. Я посмотрела на нее. Она увидела мой вопрос. Вот именно не услышала –

я ничего не говорила, а увидела.

– Оля, – представилась она, – Улис.

– Интересная фамилия, – сказала я и тут же подумала, что я сама провоцирую их на ответы, высказывания, реплики, шутки. Не стоит говорить лишнего, и они будут поспокойней. – Два «с»?

Я это зря спросила.

– С-с-с-с-с-с.... Пс-с-с-с-с-с... – тут же завелся Громовский, очень громко, очень нагло, показывая всё, что ему могло прийти на ум, если он у него есть. Когда он был маленький, то, наверно, был смешной и даже трогательный. Все время лез вперед... Как мой Никитос? Нет! Нет, конечно. У меня не может получиться такого педагогического результата, как Громовский. Сегодня же подумаю, как и чем оседлывать собственного обормота.

– У вас осталось двадцать минут, остальное время мы потратили на знакомство и выпендреж Громовского...

– Сергеев тоже... – Илюша Громовский не слишком громко, но внятно выругался.

«Ignore!» – сказала я самой себе.

– Ты сейчас записываешь материал на сайт Генпрокуратуры? – спросила я Громовского. – Нет? А жаль. А я вот Skype давно включила. Папа твой наблюдает за нашим уроком с большим интересом.

Громовский поднял белые глаза. Ясно. Били, бьют и будут бить. В восемнадцать лет купят квартиру, отселят и вздохнут

спокойно.

– Западло, – процедил он сквозь зубы. – Чё, правда?

– Неправда. Но зато теперь я знаю твой маленький секретик.

– А вот можно до конца урока фамилию Громовский больше не произносить? – Миша обернулся к классу: – Народ, я прав?

Не могу сказать навскидку, что Миша был всеми признанным авторитетом в классе. Пока мне так не показалось. Кто-то ответил «Да!», кто-то промолчал, несколько девочек, которым надоело то, что происходило в классе, увлеченно склонились над одним планшетом.

– Я прошу, – повысила я голос, включив телефон в режим видеозаписи и подняв его повыше, – открыть тетради и написать ответы на следующие вопросы: «Мне близка мораль Толстого в том, что...»

– Мне мораль Толстого... – очень грубо выругался Илюся, не отрывая взгляда от планшета.

– Гром! – шикнули на него сразу несколько одноклассников.

Громовский поднял голову и увидел, что я снимаю его.

– Блин!.. – заорал он и сорвался с места.

Я не могла даже предположить, что лениво висящий на стуле весь урок парень сможет в два прыжка добежать до меня. И ловко выхватить мой телефон. И швырнуть меня изо всей силы. И, бросив телефон на пол, раздавить его одним

движением.

– Ё-о! – выдохнул он, как заправский рэпер, не как хулиган из подворотни, срывающий сумки с женщин. Для него это было что-то вроде реалити-шоу – вроде и по-настоящему, и зрители смотрят. Все должно быть красиво. Илья отряхнул руки и нарочито не спеша, вразвалочку, вихляя тяжеловатым задом, пошел на место.

Девочки разохались, кто-то подбежал, помог мне подняться. Я встала. Я не ударилась. А если ударилась, пойму это позже. Мне не было больно. У меня тикало в голове, сильно, горячо, быстро, неровно стучало сердце, как загнанный зверек. Тук. Тук-тук. Тук-тук-тук! И остановилось. Стало нечем дышать. Поплыло что-то перед глазами. Я схватилась за чью-то руку и за стол. Нет. Нет, я не упаду. Я двойню родила сама, носила до последнего дня двоих детей общим весом семь килограмм триста пятьдесят грамм.

Я родила. Я кормила до двух лет, я поднимала двойную коляску до лифта – по лестнице она не шагала. Я сильная.

Сердце снова начало нормально стучать, пелена перед глазами – рассеиваться. Я просто испугалась. Я не ожидала. Я растерялась, больше ничего. Я взглянула на часы и попыталась понять, сколько оставалось до конца урока. Не понимаю.

Я спросила у Саши, чье лицо все время было передо мной:

– Сколько до конца урока?

– Давайте вызовем врача, – ответила мне Саша. – И ди-

ректора. Или Розу Александровну. Да?

– Нет.

Я подошла к окну и открыла его. Вдохнула морозный воздух. Я вспомнила, как Никитос упал утром в сугроб и хохотал. И как Настька гладила мою новую кофточку с жабо. И доверчиво смотрела на меня на улице. Как даже в утренней темноте был виден ее покрасневший от морозца носик. Какая ледяная ладошка была у нее. Как сто раз орал Никитос, убегая в свою младшую школу: «Пока! Пока, мам! Пока!» Я быстро всё это вспомнила, за полсекунды. Еще пару секунд подышала, посмотрела на искрящийся на деревьях снег. На младшую школу, как раз видную из моего окна. Моего... Да, теперь это мое окно.

Я повернулась к классу.

– Вон пошел из класса, Громовский! – четко сказала я.

– Чё? – спросил он.

Я подошла к нему и встала очень близко.

– Вон пошел из класса.

– Ребята, снимайте! – заорал Громовский. – Ой, меня ударили, меня учительница ударила! По почкам! По голове!

– Вон пошел из класса, Громовский, – в третий раз повторила я, стараясь говорить твердо, четко и уверенно.

– А потом что? – спросил он с интересом.

– Потом я вызову полицию. И попрошу составить акт.

– Да пошла ты! – постарался как можно легче ответить Громовский и подхватил планшет и сумку. – Но имей в виду,

если со мной что случится на уроке – виноват препод. Если я вдруг отравлюсь никотином или клеем или порежу себе руку в туалете. Захочу покончить с собой. Я должен был быть на русском.

– Лучше штаны замой, ты сел на что-то, – сказала я.

Громовский инстинктивно схватился рукой за зад.

Класс, замерший в ожидании исхода боя, выдохнул и засмеялся.

Илья выплюнул из себя мат, изо всей силы толкнув дверь ногой. В принципе, можно считать, что он просто выругал дверь. Никто меня не заставляет примеривать эти грязные слова на себя.

Я посмотрела на класс. Саша Лудянина изо всех сил улыбалась мне. Оля Улис хлопала глазами, как будто говоря: «Все хорошо, все хорошо!» Коля опустил голову. Ему было стыдно – за всё, что было сейчас? За меня? За себя, что не вмешался? Не знаю, пока не знаю. Миша улыбался, но очень плохо. Ведь он тоже напал бы на меня. Но он не может, как Илюся. Не позволяет что-то. Пока не знаю – что. Должна понять. Если не хочу, чтобы эти дяди и тети в школьной форме меня уничтожили за неделю и на всю оставшуюся жизнь.

Я уже успела услышать, что в школе работает как минимум один человек, уничтоженный детьми. Продолжает работать. Ведет какой-то кружок во второй половине дня. Дети его всерьез не воспринимают. А остальные – уничтоженные – просто ушли из школы. Нет, я так не хочу.

– И тем не менее. Пишем, пожалуйста!

– Осталось семь минут от урока! – подал голос кто-то из тех, кто не проронил до сих пор ни слова.

– Значит, чтобы ответить на такой важный вопрос, у вас есть семь минут.

Глава 5

Я хотела интересной жизни, я ее получила. Остальные уроки пронеслись быстро, больше так весело, как в одиннадцатом, нигде не было. Пятиклассники мне достались особые, двенадцать человек, все с небольшими отклонениями в когнитивных способностях или с трудностями социальной адаптации. Поэтому их после четвертого года обучения записали в так называемый «коррекционный» класс. Возможно, среди них растет и зреет будущий Громовский, но пока я его не заметила. Правда, трех человек не было, болели. А те, что были, вполне внимательно слушали, ничего не понимали – вероятно, я изъяснялась слишком сложно. Стали отвлекаться. Тогда я заговорила проще. Два урока в пятом классе. Русский и литература. Один в седьмом – русский. Одно окно, на котором я замещала биологию в шестом классе: меня попросили показать детям фильм про опыление растений. Дети смотрели невнимательно, но, по крайней мере, по классу не бегали, не матерились, ко мне не задирались. Я чуть отдохнула.

К концу пятого урока я не понимала, хочу ли я пить, есть, устала ли я. Моему состоянию трудно было подобрать слова.

– Ну как? – остановила меня на лестнице вторая моя пионерская подруга, Лариска Тимофеева, теперь Филина, как выяснилось. – Получается? Хорошие дети?

Я взглянула на Лариску. Она спрашивала совершенно серьезно. Она, на вид совершенно несобранная, разболтанная, не пойми как одетая, справляется с Громовским, с Мишей, с другими – ведь в других классах тоже такие есть.

– Ты ведешь что-нибудь в одиннадцатом? – спросила я.

– А! – очень громко захохотала Лариска, так, что бежавшие мимо девочки, на вид пятиклассницы, от неожиданности столкнулись и посыпались гурьбой с лестницы. – Познакомилась с Илюсей? А Мишаня как тебе? Гениальный мальчик, скажи?

– Скажу.

– Наша гордость. В Плешку идет, перевернет всю экономику.

– Пусть войдет сначала в Плешку и дойдет до ее конца, – проговорила я, глядя в Лариску. Она сейчас со мной серьезно говорит? Или они устроили мне такой экзамен? На прочность?

Вглядеться в нее было очень трудно. У Лариски есть странная манера – подходить к человеку так близко во время разговора, что невозможно посмотреть ей в глаза. Смотришь, а глаза у тебя разъезжаются. Делаешь шаг назад, а она подступает снова и снова, ближе и ближе.

– Давай! Смелее! – Лариска хлопнула меня по плечу. – Ты представляешься сегодня? Или когда?

– В смысле?

– В смысле – пришла на работу.

– А, ну да... – наконец поняла я. – Я пока не думала. И я не пью.

– Так и я не пью! – опять громко засмеялась Лариска. – Но ем пирожные и конфеты. Давай в пятницу, ладно? А то у меня до пятницы все занято, жаль, если я не попаду.

Слегка ошарашенная, я спустилась в раздевалку. Должна ли я зайти сейчас, скажем, к завучу? К Розе? К директрисе? По результатам первого дня...

Роза сама шла мне навстречу.

– Родителям во время урока звонить не стоит, – с ходу сказала она. – Поняла?

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу, – перебила меня Роза, – чтобы тебя не разорвали, не сплющили, не истоптали, и еще я хочу – чтобы не было позора школе. Я этого хочу всегда. Я отвечаю за эту школу. Вместе с Маргаритой Ивановной. Я в этой школе двадцать шесть лет.ловишь?

– Ловлю, – кивнула я.

– Вот теперь иди и отдыхай. Готовься, завтра у тебя восьмой «В». Я зайду. А насчет Громовского не переживай. Нет рычагов давления на него, практически нет.

– Есть, – сказала я.

– Ого! – Роза даже отступила на шаг назад и демонстративно осмотрела меня с ног до головы. – Ну, расскажешь, расскажешь. Пока он написал заявление, что ты избила его на уроке и выкинула в окно его пятый айфон, который стоит

штуку евро.

Я молча смотрела на Розу. Я ведь в принципе должна была рассказать ей о том, что произошло на уроке. Лучше рассказать, чем потом оправдываться. Это же невероятная, криминальная ситуация. Я одна не справлюсь. Нет? А если попробовать?

– Что ты молчишь? – Роза подбоченилась. – Ведь не так все было? Почему ты не пришла жаловаться?

– У школы же нет рычагов давления на Громовского, – ответила я. – Его отец – спонсор школы?

– Да бог с тобой, Данилевич! Ты ведь осталась Данилевичем? Тьфу, Данилевичью... – Роза сердито посмотрела на меня и потерела свои огромные бусы.

– Я осталась Данилевич, – кивнула я, думая о том, что в детстве ведь она была довольно сдержанная, даже робкая девочка. Откуда что взялось...

– Вот и молодец. Какой спонсор! Разберись в системе финансирования школ для начала! Мы без Громовского – в шоколаде! А ты зря пытаешься решить это сама. Не решишь. Иди к директору и пиши докладную.

– Я подумаю.

– Если я говорю «Иди!», думать уже ни о чем не надо, понимаешь?

В этом монастыре такой устав? Я смотрела на мгновенно покрасневшее лицо Розы, на ее крупную шею, на которой нервно пульсировала вздутая венка, на ярко-желтые бусины,

похожие на айву, растущую у нас на даче, на тугую грудь, распирающую пиджак.

– Так положено?

Роза страшно улыбнулась. Зачем я сюда пришла? Я хотела веселой яркой жизни? Я хотела общения? Где? В учительской, которой здесь нет? Просто нет помещения, где в перемену собираются все учителя, и всё тут. У кого есть кабинет, к тому приходят его друзья. Или не приходят. Или не друзья, а те, у кого кабинетов нет. Есть закуток у информатиков. Есть столовая, место встреч. До столовой, из которой всё так же ужасающе пахло, я сегодня не дошла.

– Хорошо.

Я пошла в канцелярию и написала докладную, кратко описав события утреннего урока в одиннадцатом классе.

Секретарь, мельком проглядев мою докладную (не уверена, что она должна была это делать, но не отбирать же было), сочувственно вздохнула:

– Ну да, это такой говнюк. И ничего, главное, с ним не сделаешь. Вы когда проставляетесь?

– В пятницу, – ответила я. – После седьмого урока.

– Лучше после шестого, – раздался сзади мужской голос. – Евгений Борисович. Учитель истории и обществознания. У меня в четыре дополнительное занятие.

– Вот вы и не пейте перед занятием, Евгений Борисович! – прокомментировала всё сразу уловившая Роза, входя в канцелярию. – Написала? Молодец. По отдельности они – золо-

тые россыпи, а вместе – Золотая орда.

– Как говорила когда-то наша с тобой физичка, – кивнула я. – Царство ей небесное, в которое она точно не попала.

– Евгений Борисович, а вы на нашу Анну Леонидовну не загля-а-дывайтесь! У нее двое детей, очень страшный брат и муж – ого-го! – пояснила Роза улыбающемуся историку.

Не стала я лезть и говорить, что местный историк до боли похож на моего физика. Здесь такое же «ого-го», как и там, судя по всему. Просто попрощалась и вышла на свежий воздух. Сколько я так продержусь? Без воздуха.

У дверей школы меня ждал Игоряша.

– Привет, Нюся! – замахал букетом Игоряша и подбежал ко мне. – Вот, возьми, купил, как ты любишь, белые, стоять долго будут. Ну что, пошли за детьми? – Игоряша тараторил без остановки, опасаясь, что я цветы возьму, а самого отправлю восвояси не солоно хлебавши. – Они уже пообедали, я заходил в младшую школу. Но могут еще поесть. Они голодные. Все время кушать хотят, растут... Пойдем куда-нибудь, отметим твой первый день на работе?

– Привет, зайчик, – ответила я и чмокнула Игоряшу в старательно выбритую щеку. – Разберемся. За цветы спасибо. Но белые я не люблю. Тем более хризантемы. Не охай, не охай, ты прекрасно это знаешь. Ты что, опять порезался? Я же тебе нормальную бритву подарила, почему ты ею не бреешься?

– Берегу, как память! – Счастливый от своей собственной шутки Игоряша взял у меня новый портфельчик, который он же мне и подарил к началу работы в школе. – Удобный портфель?

– Зашибись, какой удобный. – Я увидела, как растерянно Игоряша захлопал глазами, и мне стало его жалко. – Да удобный, удобный! Шикарный просто. Одному наглому старшекласснику уже пришлось звездануть этим портфельчиком.

– По какому месту? – осторожно спросил Игоряша.

– Ни по какому, шутка. Пока в мечтах только. Пошли, – я взяла Игоряшу под руку, отчего он распрямился и стал вышагивать, как гренадер армии ее Величества Королевы английской. Да что у меня за мужчина! Все-таки же он мой мужчина, Игоряша наш, будь он неладен. Раз в месяц приходится его пожалеть, чтобы не заболел морально и физически. – Нормально иди, что ты топаешь, как юнкер! – одернула я его.

– Хорошо, – мирно согласился Игоряша. – Тебе не холодно? Нюсечка, застегнись, – он любовно поправил мне шарф. – Как дела? Как все было в школе? Хорошие дети?

– Дети – зашибись, – повторила я словцо, которое сегодня услышала в пятом коррекционном классе в ответ на мой вопрос: «Вы читали сказки Пушкина? Как они вам? Понравились?». Один мальчик ответил: «Зашибись», и другие стали за ним повторять на разные лады: «Зашибись, зашибись...»

Игоряша глупо засмеялся и крепче прижался ко мне.

Фу ты, господи! На него нервов у меня уже не осталось сегодня.

– Есть в школе историк, жутко похожий на тебя, имей в виду. Будешь плохо себя вести, поменяю тебя на него. И даже не замечу.

– Нюся-а... – Игоряша обиженно затряс бородкой. – Он что, неженат?

– Не проверяла пока. Разведём. Делов-то! Да шучу я, господи! Что ты как маленький, в самом деле! Мне тебя хватает. Коррекционный детский сад.

– Я стараюсь, как могу, Нюся, – вдруг серьезно сказал Игоряша. И даже приостановился. – Если хочешь, я уйду.

– Далеко? Иди. Покапризничай, потом алименты вовремя приноси.

– Извини. Извини меня, Анюточка! – Игоряша уцепился за мой рукав и чуть меня не уронил. – Просто ты меня в самую душу обижаешь.

– Не по-русски говоришь, – заметила я. – Хватит ныть – вон Никитос на тебя смотрит, пример берет.

Дети гуляли во дворе своей замечательной школы, где недавно поставили деревянную площадку, с безопасными качелями, всякими снарядами, лесенками, переходами, другими детскими радостями.

– Нюся, подожди... Вот как надо делать, чтобы тебе понравилось?

– Понравилось – что? Ты, кстати, почему не на работе?

Заболел?

Я прекрасно понимала, о чем вдруг заговорил Игоряша. Но он говорит не о том, не тогда и не так!

– Нет, ну что ты! Я здоров... Я отгул взял, чтобы тебя встретить, отпраздновать. Чтобы ты рассказала...

– Ой! – отмахнулась я от него. – А вот мне бы понравилось, если бы ты забыл, что я сегодня первый раз пошла на службу после стольких лет. И работал бы себе, что-то важное делал, чтобы я тобой гордилась...

Игоряша даже отступил на шаг. Ну вот, дала ему надежду, указала светлый путь, ничего такого не имея в виду.

– Ты будешь еще мной гордиться, я обеща-а...

– Подожди! – я остановила его излияния. – Настька воет, видишь? Вон там, у большой лестницы. А, понятно! Никитос дерется с тремя мальчишками. Дуй туда, разнимай их!

– А ты?

– А я сзади пойду, как королева. Ну Игорь, давай быстрее, убьют друг друга!

Никитос, правда, разошелся. Все отсутствующие у его папы гены сейчас танцевали лезгинку в голове или где-то еще у моего маленького смелого мальчика. Раздухарился так, что Игоряша не сразу смог подойти к нему. Никитос метелил всех направо и налево. Самому тоже досталось. Шапка была уже порвана, глаз подбит, молния на куртке разошлась, были видны расстегнутый пиджак, выпростанная рубашка с большим коричневым пятном. Наверно, Никитос пил какао

в школе на завтрак.

– Ой ты господи! – Я решительно пролезла в кучу мальчишеских тел, получила тут же от кого-то изо всей силы ногой в грудь, но все же разняла драчунов, отбросив для начала самого крупного, потом своего малыша, потом уже двух оставшихся, тяжело дышащих, красных. К нам как раз вовремя бежала учительница продленки.

– Вот ваши дети почему здесь?! – кричала она. – А? Кто разрешил им с нашими детьми?

– С какими с вашими? – Я старалась говорить мирно, с трудом удерживая рвущегося из моих рук Никитоса. – Это ученик третьего класса. И те мальчишки тоже из третьего.

– Из четвертого! – проорал Никитос. – Ну, Дубов, ты у меня получишь!

– Слушай, успокойся уже, а? – тряхнула я как следует Никитоса. – Что вы не поделили?

– Они мне не дали на лестницу пройти! Я хотел покачаться на веревочной лестнице!

– Да! – поддакнула Настька, которую Игоряша к этому времени уже высморкал и, как положено, прижал к себе. – Он не виноват!

– Так, все. За драку пиццерия отменяется.

– Не-ет! – взвыл Никитос и, вырвавшись у меня из рук, изо всех сил толкнул большого Дубова. – Из-за тебя меня в пиццерию не берут!

Я с трудом оттащила Никитоса от мальчишки, который

смотрел на нас с Игоряшей исподлобья, но бить Никитоса не стал. Побьет завтра.

– Нюсечка, вот правда, Никитка не виноват, – заныл Игоряша.

Никитос волчонком взглянул на папу. Но ничего не сказал. Не сообразил, что сказать. Вроде с чего бы этому слабому папе защищать такого сильного Никитоса... Но с другой стороны, мама, то есть я, – в гневе, и зря обижаю смельчака.

– Ладно, смелый, смелый, – прижала я к себе его совершенно мокрую голову. – Ты мокрый весь, не чувствуешь? Хочешь заболеть?

– Я не заболею, мам, – твердо ответил Никитос.

И правда, он болеет редко. Редко, но метко. Уж болеет, так болеет. С температурой сорок. Надо сказать, что и нежная, нерешительная Настька болеет не часто. Чаше, чем брат, но гораздо реже, чем остальные дети. Возможно, потому, что я просто ненавижу, когда они болевают. Ненавижу больше, чем что-либо. Чувствую бессмысленность своего существования на земле. Если все, что я делаю, – зря. А раз мои дети не могут сопротивляться недугам, то все – зря. Поэтому они стараются изо всех сил не болеть, а если уж болевают, то мужественно лечатся всем, что я заставляю пить, есть, не есть, не пить, делать, промывать, греть, и быстро поправляются.

– Никитушка, – заговорил Игоряша, откашлявшись, – всё можно решить без драки, словами.

– Так я и сказал: «Козел, дай пройти!» А Дубов стал драть-ся! – искренне ответил Никитос.

– А ты бы не дрался, – продолжал увещевать Игоряша. – Ты бы сказал: «Давайте мирно всё решим!»

– Ага, примерно как ты сказал тому хулигану, из-за которого у меня чуть выкидыш не случился, – тихо проговорила я, чтобы прекратить педагогические потуги Игоряши. – А он тебе по башке дал, помнишь? И у меня сумку чуть не отобрал.

Обладающий удивительным звериным слухом Никитос расслышал последние слова и аж подпрыгнул:

– Кто? Кто, мам? Дубов? Вот козел! Я же ему сказал, что он козел! Мало я ему дал!

– Да что тебе этот Дубов дорогу перешел! Никитос! Нет, это старая история, не переживай. Другой хулиган, взрослый.

– А ты отдала ему сумку?

– Нет, конечно. У меня там карта лежала. Тетрадка такая, особая. А в карте было написано, что у меня должны родиться двое малышей. И все про них уже там было, самое главное...

– Что, было написано, что меня зовут Никита Игоревич? Я засмеялась:

– Да, вот именно так и было написано. Никита Игоревич, гроза всех четвероклассников лучшей гимназическо-коррекционной школы нашего славного города.

– Что, у нас коррекционная школа? – заволновалась Настька. – Да, мам?

– Если в ней учится Дубов, какая же она?

Игоряша, увидев, что страсти поулеглись, выступил вперед с явно заранее заготовленной речью, которую он никак не мог начать раньше.

– Дорогая Анютонька, – торжественно сказал он, не отпуская Настькиной руки. – Поздравляем тебя с первым рабочим днем! И я приглашаю всех в итальянский ресторан. Там очень вкусно!

– А с кем ты там был? – подыграла я Игоряше.

Он тут же покраснел.

– Ты что, Анюсенька, я... Да я... Просто мне рекламу в ящик положили...

– А вот сказал бы, – я наклонилась к его уху, – что был там с двумя негритянками, я бы ревновать стала.

Игоряша начал глупо смеяться. Я только вздохнула. Ну и поделом мне! За что-то, чего я о себе не знаю. Но точно за что-то поделом. Я вытерла кое-как салфетками мокрую голову Никитосу, напялила ему рваную шапку.

– Шапочка, между прочим, гусар, ой-ёй-ёй сколько стоила!

– Я куплю ему новую! – тут же встрял Игоряша.

– Да нет уж, пусть сидит, зашивает вечером.

– Я?! Я?! – Никитос от возмущения так широко открыл рот, что у него что-то защемило в скулах. – Ой, щёрт, мам,

щелкнуло тут что-то, шломалось... – с трудом проговорил он.

– Ага, сломалось! – Я закрыла и открыла ему несколько раз рот. – Починилось?

– Да! – радостно крикнул Никитос и в прыжке изловчился поцеловать меня в нос.

Я потеряла больно ушибленный нос.

– Куртку застегни! Мачо...

Так мы двумя парами – я с пляшущим, гарцующим, рвущимся в разные стороны Никитосом и мирно топающая Настька со счастливым донельзя Игоряшей – и отправились праздновать мою сомнительную победу над Громовским. И вообще. Тринадцатое февраля, в которое у меня есть все – любящий и вечный мой жених, порядочный, чистоплотный, бородатый, чудесные дети – две разные планеты, два огромных мира, новая увлекательная работа, нервная шуба в морозный день, теплый уютный дом, чистое небо над головой, температура 36,6, давление, гемоглобин – для полетов в космос. Мне лично для ощущения полноты бытия этого хватает. Полноты и радости.

Глава 6

– Рассказывай! – Андрюшка обнял меня и заправил мне за ухо прядку волос. – Ты постриглась, что ли?

– Полысела, от нервных перегрузок. Что рассказывать? Не справляюсь пока. Задавили меня детки сразу.

– Все?

– Нет. Но есть такие... Не знаю, на какой кобыле к ним подъехать.

– А ты не подъезжай, ты объезжай.

– Не получается. Они хотят меня уничтожить.

– А дальше? Зачем им это? Что будет дальше?

– Не уверена, Андрюш, что они так далеко планируют. Что будет... Я уйду, они отпразднуют победу, и придет новая жертва. Они будут ее раздирать на кусочки, сожрут и выбросят.

– Может, ты законы какие-то нарушила? Может, их трогать не надо?

– Ага, устав нарушила – монастыря этого, больше смахивающего на зоопарк. Дикие звери, которых все боятся, ни подойти, ни палкой ткнуть в морду – ничего. А я стала отвечать на хамство, вопросы неудобные задавать.

– Ты к ним задиралась?

– Да нет вроде. Но отчего-то они завелись.

– Пробовали на зубок.

– Я не знаю, Андрюш, – вздохнула я. – Я понимаю, что все работают с ними и телефоны они не топчут на каждом уроке. А я пока не смогла.

– А твой телефон растоптали? – уточнил Андрюшка. – Который я тебе подарил?

– Который ты мне подарил. Да, растоптал мальчик один. Большой, очень страшный. Как сумасшедший себя ведет. Нет нормальной логики в поведении. Звериная есть. Разорвать. И утвердить свое первенство. А человеческой нет. Человеческая только подлость у него.

– Слушай, Нюсь, может, тебе все-таки в институт? Там люди уже взрослые, они хотят учиться, ну хотя бы что-то хотят. Давай, а? Пока место не заняли?

– Нет, Андрюша, спасибо. Я хочу работать в школе.

– Прийти, поговорить с плохим мальчиком с этим? Могу в ухо дать, могу просто побеседовать...

Я покачала головой:

– Нет. Я должна сама.

На урок в восьмой «В» я чуть опоздала. Меня в коридоре задержала Роза, которая, несмотря на то что уже прозвенел звонок, решила познакомить меня с каким-то учителем. Пожилой, слегка прибитый дяденька тут же замер на месте, когда его окликнули:

– Дмитрий Борисович!

Он повернул к нам голову и стоял полубоком, вопроси-

тельно глядя на Розу.

– Вот, хотела вам представить новую нашу учительницу русской словесности. Она книжки пишет, переводчик, вот теперь с детьми пробует работать. А Дмитрий Борисович у нас руководит кружком исторической поэзии и загадок прошлого. Сам тоже сочиняет. Привлекайте Анну Леонидовну к работе, Дмитрий Борисович, она с удовольствием вам поможет!

– Да-да, конечно, – пробормотал Дмитрий Борисович, мельком оглядев меня. – Я пойду, там у меня... в библиотеке... мне там надо... с проектом...

– Идите! – царственно кивнула Роза. – Это... – она чуть понизила голос, – тот учитель, помнишь, я рассказывала... Поработал с детьми, не смог. Но мы его пожалели, нашли ему внеклассную нагрузку.

Я посмотрела на Розу. Зачем она мне сейчас это рассказывает? Главное, остановила его, окликнула...

– У тебя сейчас какой класс? – спросила Роза, видя, что я ничего не отвечаю.

– Восьмой «В».

– А! – коротко засмеялась она. – Ну иди. Потом расскажешь.

– Хуже, чем Громовский?

– Иди-иди, не дрейфь! – Роза махнула в сторону открытой двери. – Слышишь?

Из-за двери раздавался хохот, в основном голоса девочек.

Я подошла к двери.

– Ну, Семенова, ну ты вообще, ему же тридцать лет...

– А зато он так классно...

Я решила, что последнее слово, которое девочка, увидев меня, проглотила, мне просто почудилось. Ну не могут же они быть такими развращенными в пятнадцать лет. Развращенными – вряд ли. Но могут быть дурами.

– Садитесь, – сказала я, хотя никто и не думал вставать. У меня это слово, наверное, вылезает из подсознания.

Мы всегда вставали, когда я училась в школе. Я училась в прекрасной школе, немецкой. У нас было много евреев, не так много, как в английских спецшколах, но все равно они, как обычно, создавали приличную, интеллигентную обстановку. Да и другие ученики были, как сейчас бы сказали – сильно мотивированы. На учебу, на серьезную учебу, на дальнейшее поступление в хороший институт, на отъезд за границу – временный или постоянный.

На что мотивированы дети, сидящие передо мной?

Я быстро оглядела класс. Девочек гораздо больше. Есть на вид очень милые. Вроде и мальчики нормальные, пока молчат, по крайней мере.

– Меня зовут Анна Леонидовна, я буду вести у вас русский язык и литературу.

– А Набо-окова мы будем чита-ать? – протянула ученица, сидящая у окна.

Ей, наверно, приходится вставать раньше других, чтобы

сделать такой макияж и прическу. По нынешней моде часть волос ее была старательно зачесана в однобокую косичку. Несколько выпущенных с другой стороны прядей она явно с утра накручивала на плойку. Сложные трехцветные тени, темная, аккуратно растушеванная подводка вокруг глаз создавали вид томный, усталый, ощущение бессонной ночи, чего-то порочного, тайного...

– У тебя красивый макияж. Но зачем ты так сильно красишься в школу? – спросила я девочку-девушку.

Не знаю, как к ним относиться. Как к глупым детям или как к глупым юношам и девушкам? Кто-то еще похож на ребенка. Эта похожа на молодую продавщицу из косметического магазина, которой уже слегка наскучила ее монотонная работа и она развлекает себя, пробуя всю косметику, которая продается в ее магазинчике.

– Я не кра-ашу-усь, – ответила девушка, вытянув вперед губы и так и оставив их в положении буквы «у».

– Она не кра-асится, – передразнил ее какой-то парнишка, круглощекий, румяный, с худенькой шейкой, торчащими ушками. Бойкий парнишка. – Она не красится, она така-ая кра-аси-ивая...

– Ну хватит, Сапожкин, хватит! – кокетливо отмахнулась девочка.

Я стояла и смотрела на этих странных детей. Они хихикали, переговаривались, они быстро, за пару минут, поняли, что я не представляю для них опасности. Нет, я даже не ду-

мала, на что подписываюсь, идя в школу. Ну что, хватит, наработалась? Может, взять и уйти? Что, мне сейчас рассказывать им про правила пунктуации в простом предложении? Про вводные слова? Про междометия? Приводить примеры из русской литературы? Из Тургенева, Пушкина, Толстого? Зачем им это? Никто из них ничего и никогда писать не будет – такого, где важен порядок слов, где одна запятая меняет смыслы... Фамилии эти для них – как чучела на огороде. Воро́н отпугивать. Не читали они ни строчки ни Тургенева, ни Пушкина, ни Толстого, ни Чехова... Я остановила саму себя. В классе сидит – я быстро посчитала на глазок – семнадцать человек. Почему я по одной глупой девочке решила, что никому не нужна русская грамотная речь, пунктуация, Толстой с Чеховым? Да и девочка, в конце концов, знает, кто такой Набоков.

– А что ты из Набокова хочешь почитать и обсудить в классе? – спросила я, уже зная, что делаю очередную ошибку.

– «Лоли-и-иту»... – жеманно ответила девочка и посмотрела на высокого, довольно красивого мальчика.

– Давайте обсудим, если кому-то еще это интересно, только на литературе.

– Это интересно Семеновой, потому что она встречается только со взрослыми мужчинами, – проговорила крупная девушка с открытым, спокойным лицом и копной рыжих волос, стянутых сзади у шеи резинкой.

– Ну не с женщинами же! – тут же встрял кто-то сбоку.

Класс засмеялся. Странно. Я воспринимаю как норму то, что было у меня. А я ни о чем таком даже не слышала в пятнадцать лет. Хотя об однополой любви знали древние греки. Любили мальчиков. Знало это и мрачное христианское средневековье. Знало, прятало, мучилось грехами неизбывными... У нас же – у моего поколения – всего этого как будто и не было. Как будто? Или не было на самом деле? Думаю, что моим родителям и дедушкам-бабушкам было просто не до того. Извращения возникают от сытости, от пресыщенности, от слишком хорошей жизни. От пустоты абсолютно благополучия, которое дается просто так (монастырские грехи оставим за скобкой).

– Я хотела бы проверить уровень вашей грамотности на небольшом диктанте.

Я стала диктовать отрывок из Горького, краем глаза отмечая, что несколько мальчиков вообще не прикоснулись к ручкам.

– Вы не будете писать диктант? – спросила я их.

– Тамарин, – вместо ответа представился один из них, на вид симпатичный и нормальный мальчик. – Я писать не умею.

Я внимательно посмотрела на мальчика.

– Я не умею писать, – повторил он. – Я пишу только на клавиатуре. А компьютер будет автоматически проверять ошибки. Это будет нечестно по отношению к остальным.

– Отключи проверку...

– Не-е, все равно не то!

– А... – слегка растерялась я. – Как же ты по другим предметам? По математике?

– Один ноль! – засмеялся мальчик, и они со своим соседом хлопнули друг другу по ладоням. – Я же сказал – поверит!

– Ясно. – Я посмотрела на класс.

Не могу сказать, что все сейчас смеялись надо мной. Некоторым было всё равно. А даже если бы и все. Я улыбнулась.

– Да, я правда испугалась, что ты не умеешь писать. Маугли или что-то в этом роде. Я видела одного шведского мальчика. Его усыновили в одиннадцать лет. До этого жил где придется. Он не умеет писать, читать, а главное, толком говорить. Писать-то можно научиться и в двадцать пять лет. Помните фильм «Служили два товарища»?

– С Николасом Кейджем? – спросила все та же старательно накрашенная Семенова, которая просила обсудить на уроке «Лолиту».

– Нет, – ответила я, стараясь сохранять спокойствие взрослого человека, не попадать постоянно в ловушки, которые мне выставляют эти дети. – С Высоцким, Янковским и Роланом Быковым.

– Вы сейчас с кем разговариваете? – спросил меня совершенно по-домашнему Тамарин.

– Я знаю этот анекдот, – кивнула я. – Очень актуально, кстати. Подходит debil к своему отцу и спрашивает...

– Не надо! – махнул рукой Тамарин. – Я понял! Просто мы таких артистов не знаем, понимаете? Вы остались там, а мы пришли сюда, где их уже нет. Другой мир. И мы другие.

– Здорово! – искренне восхитилась я. – У тебя по литературе пятерка?

– У меня по литературе тройка, и мне больше не надо. Я – компьютерный гений.

– Точно? – Я посмотрела на реакцию одноклассников. Не могу сказать, что все были сильно заинтересованы нашим разговором.

Неправильно. Я все делаю неправильно. Ну а как надо? Ведь они чего-то хотят от меня. Они, пусть таким образом, варварским, грубым, вызывают меня на общение... Только я все время оказываюсь в дурах, получается.

– Ты что, не знаешь Высоцкого? – все-таки решила, хотя бы для себя, уточнить я. Ведь я должна понять степень их одичания.

– Археологией не интересуюсь! – совершенно беззлобно ответил мне Тамарин.

– Ау, народ! – Я оглядела класс. – Кто знает Высоцкого? Отзовитесь!

– «Если вы не отзоветесь, мы напишем в Спортлото!» – продекламировал кто-то у окна. Кажется, тот самый красивый мальчик, с которым заигрывала Семенова с трехцветны-

ми теньями на еще детских глазах.

– Вот, – подытожила я. – Значит, у этого класса есть надежда. Пишем. Кто умеет – пишет, кто не умеет – ставит крестик. И получает не тройку, а кол.

– В смысле? – вскинулся Тамирин. – Меня устроит тройка.

– А меня – кол. Диспут окончен.

– Такой оценки нет! И потом, вам для вашей зарплаты нужно, чтобы в классе было как можно больше хорошистов! Так что вас моя тройка не должна устраивать! Вы должны меня уговаривать: «Димочка, ну напиши на четверку, постарайся!»

– Сейчас. Подожди! – кивнула я Тамарину. Я уже третий или четвертый раз слышала, как негромко, но настойчиво гудит телефон в режиме «вибрации» у меня в портфеле.

Я достала телефон. Пять пропущенных звонков. Три сообщения. Все от Настьки. Последнее: «Мам! скорей иди ты где?», так... Первое: «Мам никитосу разбили голову и сломали руку одну и может быть две». Я глубоко вдохнула-выдохнула.

– Как тебя зовут? – спросила я рыжую девочку с правильным, хорошим лицом, которая подавала голос в самом начале урока.

– Вероника.

– Иди сюда. Вот текст, диктуй первый абзац. Мне нужно позвонить.

– Учитель на уроках не имеет права пользоваться телефо-

ном в своих личных интересах, — лениво, но громко заметил Тамарин.

Кто-то из девочек захихикал. Наверно, он пользуется у них успехом, но мне было сейчас совершенно не до него.

— Я в общественных интересах, не переживай, Тамарин. Звоню в Нобелевский комитет.

— Причина какая?

— Сообщить о тебе. Они же еще не знают, что ты есть на свете. Премию неверно распределят.

Тамарин продолжал что-то бубнить, наверно, не очень удачное, потому что бубнил негромко, неразборчиво. Вероника начала читать текст диктанта, слегка спотыкаясь на букве «р», а я, не до конца прикрыв за собой дверь, вышла в коридор.

Глава 7

Я набрала номер учительницы Никитоса и Настьки, Юлии Игоревны. Она никак не отвечала. Я звонила снова и снова. Но телефон молчал. В классе тем временем стал все громче слышен голос Тамарина, раздался чей-то смех. Я взглянула на часы – до конца урока больше получаса. Никитосу сломали руку или даже две. И разбили голову. Это очень больно. Ему нужна я. Мне совершенно не нужен Тамарин и восьмой «В», независимо от того, знают они про Высоцкого или нет. Все это стремительно пронеслось у меня в голове. Сердце уже стучало как будто где-то отдельно от меня. Как бедный загнанный зверек перебирает лапками, когда ему уже некуда бежать, когда его поймали и сейчас перережут горло. А он все пытается убежать. И лапками, лапками, беспомощными, быстрыми, отчаянно скребет в воздухе...

Да! Надо позвонить на вахту в младшую школу. Ведь они в курсе, если приезжала «Скорая».

- Школа слушает, – охранница ответила сразу.
- Это мама Никиты Воробьева, из третьего «А». Вы не знаете, ему не вызывали «Скорую»?
- Что? «Скорую»? Кто вызывал? Это кто говорит?
- Это мама Никиты Воробьева. Я тоже в школе работаю, в старшей. Я на уроке сейчас, понимаете?
- А что вы хотите? У нас урок идет! – бойко ответила мне

охранница.

Я представляла, какая из двух смен сейчас заступила на вахту. И охранницу эту знала. Здоровая тридцатилетняя тетка из Брянска сидит с утра до вечера на стуле в московской школе, охраняя без оружия школу. Вокруг все ходят туда-сюда, дети кричат, родители беспрестанно дергают, чего-то хотят, а в Брянске растет собственная дочь, с бабушкой, растет и растет, ждет, скучает...

– Я вас спрашиваю, – продолжила я, стараясь говорить вежливо, чтобы она не швырнула трубку, но твердо, – «Скоро» никому не вызывали? Не было в школе «Скорой»?

– У нас?

– Да.

– А что случилось? Кто это зво́нит? Сейчас урок идет, женщина!

Я положила трубку. До конца урока осталось двадцать восемь минут. Никитосу сейчас больно, невыносимо больно. Он не может плакать. Он мачо. Он укусит себя за руку, чтобы не плакать. У него вся левая рука искусана. Молочными зубами однажды укусил себя так, что думала – зашивать придется. Заросло. И все равно кусает. Чтобы удержать слезы. Так. Я набрала Настькин номер. У нее, разумеется, телефон стоит на тихом режиме, она очень дисциплинированная девочка. Бесполезно. Сама звонить может, а я дозвонюсь только после пятого урока, когда она включит звонок. Требовать от нее, чтобы она включала звонок на каждой перемене и по-

том его выключала, – жестоко и практически невыполнимо, и я не требую.

Я зашла в класс. Здесь уже шло веселье полным ходом. Вероника, видимо, прочитала первый абзац и села на место. Тамарин что-то громко рассказывал, повернувшись ко мне спиной, «Лолита» интриговала с красивым мальчиком, знакомым с творчеством В.С. Высоцкого, остальные – кто играл в телефонах или на планшетах, кто спал, положив голову на руки, другие увлеченно болтали.

– У вас что-то случилось? – спросила Вероника.

Она напомнила мне Сашу Лудянину из одиннадцатого класса. Только Вероника, наверно, еще не укрепила так свой авторитет, как Саша. Она пока в начале пути. Говорить, как Саша, от всего класса, у нее не получалось.

– Все нормально. Ты продиктовала первый абзац?

– Да, – кивнула Вероника. – Дальше там что-то непонятно.

– Хорошо. Так. На место сели, – я набрала побольше воздуха. – На место! Сели! – Я обратила внимание, что на повышение тона среагировали практически все. И почти все замолчали.

– Тамарин!!! – неожиданно для себя самой проорала я на пределе того, что сама назвала бы громким, резким, но пока еще интеллигентным криком.

Дальше – только кричать, как женщины на воскресной ярмарке. Одна осипла еще в декабре, когда заставляли работать на тридцатиградусном морозе, и приходилось за смену

выпивать полторы бутылки водки, чтобы не заболеть воспалением легких. Вторая осипла за всю свою жизнь, которая как-то незаметно прошла на рынках – то на вещевом, где она продавала чужой товар – носки-колготки, майки да рейтузы, то на овощном, где она торговала чужими яблоками, выдавая их за свои – люди любят, когда им говорят: «Свое, с огорода, без всякой химии», – то на продовольственном, предлагая конфеты без срока давности, сыр, не купленный в магазине, рыбу, которая пролежала в морозильнике в соседнем супермаркете все лето. Ее разморозили, повысили в цене и продают как немороженую... И она кричала всю жизнь, кричала... И я завтра так закричу, если не найду другого ключа к этим детям. И к другим. «Как воспитать дракона? – Ори на него!» – Поднимите руки те, кто хочет получить единицу или двойку без проверки диктанта!

Я оглядела класс. На меня смотрели сейчас большинство детей. Шуршать, смеяться, играть перестали. Руку не поднял пока никто.

Так подействовал крик? Или от меня пошла энергия ненависти? И заставила их выпрямить спины и оторваться от игр на планшетах? Да, я работаю второй день в школе. И я практически уже ненавижу этих детей. Я их плохо знаю. Я не знаю их не то что по именам – по лицам. Но я почти ненавижу эту инертную, плохо управляемую, живущую по каким-то своим законам массу. Я не знаю отдельных лиц. Но я уже знаю лицо этой массы. Насмешливое, ленивое, дурное. Неграмот-

ное. Прохиндейское... Я остановила себя. Не проще сбегать и узнать, как там Никитос? Которому я сейчас точно нужна. Чем стоять перед этими равнодушными, чужими, недобрыми взрослыми детьми и ненавидеть их. Уже не тихо – громко. Я уже крикнула в этих стенах. Так я кричала последний раз лет пять назад. Когда дети мои были еще очень маленькие. И я никак не справлялась. Никитос упал с лестницы лицом вниз, Настька плачет, Никитос заболел, Настька – заболела еще сильнее, оба выздоровели, Никитос упал с крыльца дачи, Настька плачет – себя не помнит... И я на них кричала. Кричала-кричала, пока однажды мне после крика не стало плохо. Я легла, полежала. В тяжелой горячей голове что-то медленно ворочалось, как будто раскаленные толстые макароны, липкие, бесконечные, которые никогда не распутать, распирали мою голову изнутри. То в висок толкнут, то в затылок, то над глазом... Боль прошла. Но с того раза я стала как-то путать слова. Хотела сказать «завтра», говорила «вчера», хотела сказать «вермишель», забывала слово. «Спагетти» помню, «рожки», «лапша», а «вермишель» – никак. Это тоже прошло. Но не совсем. И сейчас, когда я очень волнуюсь или очень устала, я начинаю говорить как старая бабушка, которая варит в кастрюле очки вместо бараньих костей.

И я испугалась тогда. За своих детей. Не то что я слишком сильно на них крикну – другие дети и не такое переживают, мои близнецы еще вполне благополучные. Я испугалась, что их мать потеряет здравость ума задолго до положенного сро-

ка. То, что мне, очевидно, положено когда-то ее потерять, я уже поняла – по первым намекам моего организма. Но я намеки слышала. И орать перестала. В одночасье.

А здесь, в этой школе, мне придется орать? Что бы сказала на это моя мама, кандидат педагогических наук? Приду домой, почитаю ее статьи, которые хранятся у меня все эти годы.

– Вопрос мой все слышали?

– Да. Слышали, – ответили мне несколько голосов.

– Никто не хочет получить двойку без написания диктанта? А, Тамарин? Тебе лично, как гению, могу авансом три с минусом поставить. Так уж и быть, выклянчил.

– Я передумал, – недовольно проговорил мальчик. – Мне даже прикольно написать и посмотреть, что я получу.

– Мне тоже интересно, откуда у тебя такая завышенная самооценка и как ты на самом деле пишешь. Только слово «прикольно» я запрещаю употреблять в классе. Ясно?

На меня смотрели удивленные глаза восьмиклассников.

– Почему? – спокойно спросила Вероника.

Да, у нее есть шансы стать лидером, если она будет и дальше так же уравновешенно, смело и нормально себя вести с учителями и одноклассниками. Буква «р» может мешать, разве что. Был один человек, конечно, которому грассирующее «эр» не помешало взорвать целую огромную страну, но у человека того были нечеловеческая энергия, фанатическая вера в себя и свою правду и – увы, энергичные помощники,

большинству из которых, как известно, терять было нечего.

– Так, Тамарин к следующему уроку готовит доклад...

– Презентацию! – уточнил Тамарин.

– Нет, доклад. Тут картинки никакие не нужны. Встанешь и просто расскажешь, от себя, любыми словами, не по бумажке. Для этого придется почитать. Подготовиться и понять самому. А потом донести до остальных – какова этимология слова «прикольно».

– Этимо... что? – переспросил Тамарин.

– Этимология – происхождение. Не старайся казаться глупее, чем ты есть.

– Ну хватит, Дима! – обернулась к нему Вероника.

– Тебя не спросил! – совершенно по-детски огрызнулся Тамарин и тут же затих.

Я смотрела на часы, висевшие над дверью класса, и диктовала детям отрывок из рассказа Горького:

– *«Он кипел и вздрагивал от оскорбления, нанесенного ему этим молоденьким теленком, которого он во время разговора с ним презирал, а теперь сразу возненавидел... больше всего за то, что он, этот ребенок, по сравнению с ним, Челкашем, смеет любить свободу, которой не знает цены и которая ему не нужна. Всегда неприятно видеть, что человек, которого ты считаешь хуже и ниже себя, любит или ненавидит то же, что и ты, и, таким образом, становится похож на тебя».*

Почему я интуитивно взяла этот отрывок? Вчера вечером,

листая Горького, я выбрала именно этот фрагмент, ни о чем таком не думая. Предложение длинное, пунктуация сложная – именно это и нужно сейчас в восьмом классе. А сейчас я смотрела на детей и думала – они так отстаивают свою свободу? А я ее отстаивала в восьмом классе? Надо будет вспомнить. Потом. Сейчас меня больше интересовала стрелка часов, которая двигалась очень медленно. До конца урока осталось семнадцать минут. Двенадцать, восемь, семь... четыре... За минуту до звонка я закончила диктант.

– Положите мне на стол все тетради, пожалуйста.

– А кто будет проверять? – спросила какая-то девочка.

– В смысле?

– Вы что, сами будете проверять?

– А... – Я слегка растерялась. – А кто?

– Ну обычно, – громко заговорил пришедший в себя Тамарин, – проверяет кто-то из девочек, которая другим способом не может заработать себе лишней пятерки.

– Так, Тамарин, закройся! – крикнули ему сразу несколько голосов. – О себе лучше расскажи! Как ты по геометрии пятерку зарабатываешь!

– Я проверю сама. Я же сказала – мне интересно, на каком мы с вами свете находимся.

– На темной сторо... – завелся Тамарин, но я не дала ему договорить:

– Урок окончен, всем спасибо. – Я быстро засунула тетради в портфельчик. Маловат портфель для моей новой жизни.

Ладно! Я подхватила оставшиеся тетради под мышку и почти бегом вышла из класса. Так, перемена большая, у меня двадцать минут. До младшей школы бежать две минуты, еще надо одеться. Только бы не встретить Розу или Лариску...

Да, Роза шла мне навстречу, энергично отчитывая рослого старшеклассника, пока мне незнакомого. Старшеклассник шел вразвалочку, но вежливо склонившись к Розе.

– Все хорошо? – мельком взглянув на меня, спросила она.

– Да! – постаралась я улыбнуться как можно спокойнее и проскользнуть мимо нее.

– Анна Леонидовна! – услышала я Розин голос за спиной. – Вы торопитесь в столовую?

– Да! – ответила я.

– Хорошо, встретимся в столовой через пять минут. Мне есть что вам рассказать!

Ничего хорошего, судя по тону, Роза не собиралась мне рассказывать, но я бежала к моему маленькому, бедному, глупому, отчаянному мальчику и его сестре, которая в драки не ввязывается, но переживает всегда за брата так, что я не знаю, кому из них первому оказывать помощь. Настя может доплакаться из-за Никитоса до того, что потом долго не в состоянии нормально разговаривать. Трясется, икает, вздрагивает, зубы стучат, руки дрожат... Двойняшки. Разные внутри. Совершенно не похожие на первый взгляд внешне. Но они не просто близнецы. Они двойняшки. Они одинаковые. У них одинаковые глаза. У нее – серо-голубые, доверчивые,

спокойные; у него – точно такие же по цвету и разрезу, но веселые, отчаянные. Настька чувствует брата, как себя. Ей больно, когда ему больно. Никитос, возможно, тоже ощущает Настьку как двойняшку, только пока об этом не знает. Ему хватает Настькиной слабости, податливости. И он на них уже не имеет права.

Я набросила пальто, кое-как натянула дурацкие новые сапоги без молнии – можно даже не спрашивать, чей подарок, – и сломя голову помчалась в младшую школу.

Глава 8

Никитоса я получила через полтора часа, в травмпункте, куда его отвезли по «Скорой», забинтованного, с защитой головой и рукой в гипсе. Охранница не сказала мне про «Скорую» из конспирации – мало ли откуда «звонят»! Вдруг из роно! А у них тут такие дела... Хорошо, что я не ушла с занятий. Настька сначала плакала – урок или два, а потом уже написала мне. Юлия Игоревна, их учительница, почему-то решила обойтись своими силами, родителей зря не беспокоить.

Я даже не знала, что на это сказать. Ругаться с ней сильно не хотелось. А она, наоборот, ждала благодарности, что всё так быстро и грамотно сделала. Сцепился Никитос на перемене, понятно, с тем же Дубовым. Дубову помогали еще двое четвероклассников – те же, что накануне дрались с ним против Никитоса на площадке, или же другие, теперь уже не выяснишь. Важно это, но не выяснишь. Никто, по крайней мере, разбираться не хотел.

Я все же поблагодарила Юлию Игоревну за вовремя оказанную моему сыну помощь и понадеялась, что гипс, поставленный ему в районном травмпункте, лег на то место, где сломались косточки, а не на соседнее, как часто бывает. И что сотрясения мозга у него действительно нет. «Не тошнит же!» Только ленивый не сказал мне этого. Медсестра в

травмпункте, охранницы в школе, мамы из нашего и других классов, завуч младших классов и, конечно, сама Юлия Игоревна.

Учительница же Дубова заняла удивительную позицию.

– Вы в школу только что пришли работать, – заявила она мне. – И у вас уже такие происшествия!

– У меня? У меня? – не могла я поверить своим ушам.

– У вас, у вас! Как вас, простите... по имени-отчеству...

– Да не важно! Какая разница, как меня зовут, если вы мне говорите подобное?

– Вот, поэтому ваш сын и дерется! У него мать такая агрессивная! Представляю, как вы с детьми обходитесь...

– Да вы что вообще! С больной головы на здоровую!

– А вот больными чужих детей обзывать не на-а-до! Еще педагог называется!

Я смотрела на местами ярко накрашенную, плохо причесанную, как-то не по-школьному одетую учительницу – в синих джинсах, обтягивающих ее мощные бедра, выпущенной наружу ярко-желтой блузке с огромными воланами, колыхавшимися от каждого ее движения, и думала: хорошо, что не она ведет класс моих детей. Вот так смотрели бы каждый день на этот ярко-малиновый рот, на огромные звенящие сережки с прыгающим посередине шестируким Буддой, на перекатывающиеся по большой груди воланы... Мир бы казался другим. И слушали бы ахиною. Если она мне, не стесняясь, говорит такое – что же она ничтоже сумняшеся говорит

детям? Могу себе представить.

Можно было бы спросить, что она вдруг так защищает Дубова. Не думаю, что ей лично попадет за его проделки. Всё же у него есть родители. Возможно, окажется, что он чей-нибудь сын.

– Он чей-нибудь сын? – спросил меня Андрюшка, когда я позвонила ему вечером рассказать про наши новые победы.

– Нет. Ты же знаешь – я эту школу выбрала в том числе потому, что все наши местные мажоры – дети управы, префектуры, прокурорские да депутатские – учатся в лицее через улицу.

– Помню-помню, как же, как же, – засмеялся мой брат. – Ни объевшихся мажоров, что хорошо, потому как им, наглым, все сходит с рук. Ни евреев, что плохо.

– Конечно, плохо – они способные, воспитанные и мотивированные.

– Что там у вас с объединением, кстати? Объединили в результате или отбились?

– Не отбились. Многонациональная школа теперь будет.

Мы еще поговорили с Андрюшкой о том – хорошо или плохо, что наша школа сливается, волевым приказом чиновников, с соседней, где раньше учились дети приезжих, в основном из Средней Азии и Предкавказья. Андрюшка все больше смеялся – как он делает всегда, когда ничего изменить не возможно.

– Пойдешь на митинг? Взять тебе разрешение? Организу-

есть активисток, покричите, помажете плакатами...

– Андрюш... Бессмысленно.

– Ну вот, тогда терпи. Зато теперь у вас в районе нет «школы для черных». Это же здорово! Раньше было очень обидно. Правда, очень плохое название. А теперь никому не обидно.

– Ты знаешь слово? Как назвать, чтобы не обидеть?

– Нет. «Приезжие».

– И я не знаю.

И Андрюшка завелся на одну из своих любимых тем. Я не стала останавливать. Меня это тоже волнует, мне тоже интересно, и особенно интересно слышать это в интерпретации моего умного брата.

– У нас ведь пока не придуман политкорректный термин для людей, приехавших в Москву на заработки из республик нашей бывшей безграничной социалистической империи, – рассуждал Андрюшка. – «Гастербайтер» не охватывает всей массы черноголовых людей, выглядящих не так, плохо говорящих по-русски, людей совсем иной культуры и не имеющих никакого отношения к нашей культуре, к нашему прошлому. Многие приехали временно и не скрывают этого. Кто-то хотел осесть и осел. Кто-то живет в своей диаспоре и другой жизни не хочет. Некоторые старательно учат русский, женщины красятся в блондинок, дети уже совсем хорошо говорят и пишут по-русски. Но таких мало. Американцы придумали термин «афроамериканец». Негра нельзя назвать негром, он обидится. А наших как называть?

– Может, «азироссияне»? – встряла я.

– Остроумно! – хмыкнул Андрюшка.

– Или «ксенороссияне»? Хотя думаю, что латинский корень «ксен» – «чужой» – обидит.

– Обидит, наверняка, – согласился мой брат. – Никто не захочет называться чужим. Обидится. За ножом полезет. Мне, правда, важнее, чтобы сохранилась русская нация хотя бы в том виде, в каком она пришла к третьему тысячелетию. Гораздо важнее, чем обидеть термином или даже отношением людей, которые приехали сюда, бросив свои виноградники и овец, чтобы быстро и гарантированно заработать деньги.

– Виноградник может засохнуть, – поддакнула я, – овца – заболеть, а пятнадцать тысяч рублей за подметание моего двора московское правительство всегда заплатит.

– Анюта, мы преувеличиваем – у многих приехавших нет ни овец, ни виноградников. У них ничего нет – ни там, ни здесь. Они тут не от хорошей жизни.

– Но что ж теперь – всем, вообще всем, у которых ничего нет, – ехать в Москву? По моему городу собираются пустить 340 километров наземного метро. А москвичи не стали рожать больше, они стали рожать меньше (мы с тобой не в счет), потому что теперь труднее и страшнее жить. И вообще, и в Москве в частности. Москву перережут рельсами, понастроят воздушных путей для поездов, для того, чтобы по ней могли перемещаться миллионы тех, кто бросил – да,

Андрюша! – своих овец и свои виноградники и приехал сюда, ко мне жить.

– Ксенофобия, Анюта, – вздохнул мой брат.

– Да почему? Ну я же не еду туда – возделывать чужие брошенные виноградники?

– Анюта, меня так же как тебя, как и многих русских, пугает второе татаро-монгольское нашествие. И я понимаю, что независимо от моих опасений, от реальной угрозы и роста преступности, и подмешивания крови, и даже потери национального самосознания существует какая-то, увы, неизвестная даже мне договоренность на правительственном уровне.

– Да, я новости слушаю через раз, но очень внимательно. И думаю, что это не может быть просто разгильдяйством и равнодушием наших моложавых, смело говорящих на языке улиц властей.

– Анюта, – засмеялся брат, – не обострай.

– Я не обостряю. И фамилий не называю. Из трусости. У меня двое детей. Но я слышала, правда, своими ушами, Андрюша, как нынешний премьер-министр обронил в эфире, что существует некая «квота» – шестьсот тысяч человек в год из Средней Азии принимает Москва. И в тот год – шестьсот тысяч, и в этот – уже миллион двести. Почему? Потому что наши люди «не хотят работать дворниками». Это правда?

– Я очень сомневаюсь, – заметил Андрюшка. – Помнишь

– или ты, может, и не помнишь, но раньше было так: аспирант устраивался дворником, и за это ему давали дворницкую, при том, что он получал зарплату. Можно было отработать больше десяти лет дворником и получить жилплощадь в Москве. У меня так друг и кандидатскую защитил, и квартиру получил. Женька Смирнов, помнишь? Ты еще за него замуж отказалась выходить.

– Помню, – засмеялась я. – За дворника-кандидата наук, даром что твой друг был, еще один...

– Ну да, тебе мои друзья в мужья никак что-то не подходят. А что касается двор подмести и квартиру получить, так с теми сумасшедшими ценами на аренду жилья, которые у нас сейчас в Москве, полагаю, и нынешних аспирантов это бы тоже устроило. Сейчас бы на это пошли не только те, кто убежал из умирающих российских деревень и нашей глухой коматозной провинции, без дорог и Интернета и даже электричества местами, а и сами москвичи – у которых нет другой возможности хоть как-то расширить свою квартиру.

– Реальность сейчас другая, Андрюша. Помнишь, прошлой весной, когда только сказали об объединении школ – русских и нерусских, английских, немецких, математических спецшкол, отстающих, коррекционных, китайских интернатов, лицеев, гимназий, – у нас ведь родители протестовали. Это я дома бубнила, а другие устраивали пикеты, дороги загораживали, письма писали царям-батюшкам, петиции подписывали, одна активная мама ночевала во дворе школы

в знак протеста – дело было в конце апреля.

– Я помню – по телевизору даже показывали. И правда, мера странная, непопулярная – объединять школы и садики в плохо контролируемые, плохо управляемые конгломераты «учебных центров».

– На самом деле, в области культуры и образования вопросы экономики не могут решать всё.

– Да и кто сказал, – со вздохом согласился Андрюшка, – что огромным конгломератом удобнее управлять и его удобнее контролировать?

– И тем не менее нашу «русскую» школу объединяют с соседней, «многонациональной».

– А те дети – в основном мусульмане?

– Конечно. Многие соблюдают мусульманские праздники, по отношению к девочкам часто ведут себя так, как, вероятно, в их семьях ведут себя отцы – женщина не имеет права голоса.

– Она имеет право учиться, особенно работать, приносить в дом деньги, но перечить мужчине не смеет, – опять засмеялся Андрюшка. – Но, возвращаясь к нашим последним событиям, Анята, четвероклассник Дубов ведь – не мусульманин?

– И даже не гость столицы, – подтвердила я. – Он русский, москвич. Не знаю, в каком поколении, но обычный московский паренек. Дрался бы он с моим ребенком один на один – и вопросов бы не было. А так вопросы у меня появились.

– Анюта, задай вопросы в школе, иначе они тебя взорвут.

– Обязательно задам.

На следующий день перед первым уроком я действительно подошла к учительнице Никитоса.

– Юлия Игоревна, надо бы, наверно, с мальчиками этими из четвертого класса разобраться, да? Маленькие, а такая зверская агрессия, трое на одного, до крови, до увечий... С психологами, например, с завучем поговорить...

– Да, Анна Леонидовна, – наша учительница отвела глаза. – Там как раз с вами хочет психолог побеседовать... О... проблемах... Никиты.

– Со мной? О проблемах? Забавно. Хорошо, я подойду к ней. – Я внимательно посмотрела на первую учительницу своих детей. – А ваша позиция какая, Юлия Игоревна?

– Для меня все дети равны, – ответила она и поправила большой воротник своей вязаной кофты.

– Равенства природой не предусмотрено! – засмеялась я. – Увы! Один девочек защищает, другой копеечки на полу подбирает, третий – тырит мобильные телефоны.

– А для меня, – Юлия Игоревна сильно покраснела, и ее неровная кожа приобрела слегка багровый оттенок – на скулах, на подбородке, – они все равны. Они все дети. Их нужно любить. Любовь – это Бог.

– У Никиты Воробьева голова пробита и рука сломана, Юлия Игоревна, – негромко заметила я. – При чем тут Бог?

Она взглянула на меня совершенно непонимающими гла-

зами.

– Бог – везде.

– Хорошо, – вздохнула я.

– А дети все равны, – упрямо повторила учительница, теперь уже багровая до ключиц. – Все равны, для меня все равны...

– Хорошо-хорошо, вы так не волнуйтесь! – кивнула я, секунду подождала, не спросит ли она, как здоровье Никиты.

Сильно разволновавшаяся Юлия Игоревна не спросила ничего, сердито повернулась и ушла. Я понимала, отчего она сердилась. И... не понимала. Не знала тогда одного нюанса, важного и неожиданного.

Никитоса освободили от занятий на неделю, потому что сотрясение мозга все-таки заподозрили. Но сидеть дома ему было абсолютно невыносимо. День я не ходила на работу, день он просидел с бабушкой, матерью Игоряши, а потом взмолился:

– Мам, ну пожа-а-алуйста! Хочешь, я буду вообще молчать! Всегда! Ну можно, я завтра пойду в школу?

– Вот чудак-человек! – удивилась я. – Да что тебе там делать? Спи себе до одиннадцати, потом вставай, тебя бабушка покормит...

– Он ее не любит, – вмешалась Настька. – Она телевизор так громко включила, что у Никитоса все уши заложило. Никитос орал-орал, а она его не слышала. Потому что она глу-

хая!

– Настя, ты что, с ума сошла? Какая Наталия Викторовна глухая?

– Да, глухая, – повторила Настька. – И Никитоса не любит, называет Башмушбеком или Барбумбеком, как-то так, неприлично.

– Бумбарашем, может быть?

– Нет.

– Басурманом, что ли?

Она кивнула, взглянула на меня с видом очень взрослой самостоятельной девочки и протянула Никитосу хлеб с маслом и толстенным куском рыбы:

– Ешь, тебе нужен витамин... Я забыла какой, но без него не срastутся кости.

– «А». Витамин А нужен. И еще D, а он только на солнце усваивается. Так что Никитосу нужно есть и гулять.

– Ага, и еще ходить в школу, – подтвердил Никитос, откусывая огромный кусок хлеба.

– Не ешь с набитым ртом! – сказала Настька и поправила ему волосы под повязкой. – Не болит голова?

– Не-а! Здоровье в порядке – спасибо зарядке! – ответил Никитос и тут же подавился. Настька вскочила и стала изо всей силы стучать его по спине.

Я смотрела на Настьку, как она быстро, за пару дней, освоила роль старшей сестры при раненом брате. На самом деле Никитос старше на пятнадцать минут. Он и сильнее, и здо-

ровее, и главное. Но сейчас...

– Хорошо. Я пушу тебя в школу с одним условием. И смотри, если ты его нарушишь, будешь сидеть на домашнем обучении, пока не снимут гипс. Хорошо еще, что только одна рука у тебя пострадала, и та левая.

– Ага, правой можно... – Никитос взмахнул рукой, показывая, как он будет драться одной правой, и осекся.

– Условие послушай сначала, Джеки Чан хренов!

– «Хрен» неприлично говорить, мам, – тихо заметила Настька.

– Да, извини. Ты права. Так вот. Условие такое. Ты идешь в школу под присмотром Насти и во всем ее слушаешься. Понятно?

– Не-е... – категорически замотал головой Никитос. – Так не получится!

– Ну нет так нет. Сиди дома, пока не снимут гипс.

– Мы так не договаривались! Врач сказал – неделю!

– А я с тобой, Никита, не договаривалась, что ты будешь драться так, что тебе поставят гипс на сломанные кости! И пять швов на башку наложат!

Я была несправедлива к Никитосу. Его избили три мальчика, которые старше его на год. В этом возрасте разница имеет большое значение. Они тяжелее, выше, у них удар сильнее. И их было трое. Но задирался-то он! По крайней мере, мог задраться. Я своего сына знаю.

– И хамский тон поумерьте-ка, оба!

Дети притихли, переглядываясь. Никитос стал усиленно жевать рыбу, а Настька выковыривала кости и подкладывала ему кусочки, совсем как я обычно делаю им двоим.

– Сама ешь тоже, мать Тереза!

Настька доброжелательно кивнула, тут же запихнула за щеку огромный кусок рыбы – авось само рассосется – и стала снова разбирать кости для Никитоса, который давится рыбой всегда, есть там кости или нет. Мне кажется – из принципа. Он рыбу ненавидит, а я заставляю. Раз аллергии нет, значит, полезную рыбу, от которой японцы живут дольше всех на Земле, надо есть два раза в неделю хотя бы!

– Вкусно? – спросила его Настька, по-прежнему держа свой кусок за щекой.

– Бэ-э-э! – ответил Никитос.

Настька тихо засмеялась. Двойняшки, на одной волне, им тепло рядом друг с другом. Хорошо бы так было всегда, даже когда вырастут. Вот мы с Андрюшкой не двойняшки, а нам тепло рядом. Пожалуй, ни с кем мне не было так тепло. Родители были вдвоем, с мужем Павликом я толком и не успела понять за полгода после свадьбы – половинки мы или нет, тепло нам вместе или прохладно, а со вторым мужем, как известно, у меня вообще не заладилось. С подружками бывает тепло. Но я себя ограничиваю. Знаю, что это такое – предательство лучшей подружки. После можно помириться, но больше приближаться так близко, как раньше, ни к той, ни к следующей не будешь. Что же касается Игоряши, я бы,

может, и записала его в лучшие подружки – да он против. А так бы он по всем параметрам подошел – верный, если капризничает, то быстро отходит и кается, мною восхищается, всегда на моей стороне. Еще и отец моих детей! Чем не подружка?

Глава 9

– Анна Леонидовна! – заглянула ко мне в самом начале пятого урока завуч. – Вас предупредили? После седьмого урока педсовет.

– Хорошо...

Я не совсем была готова, что работа – полное ограничение моей свободы. Ведь у меня трудовой день сегодня кончается в четырнадцать двадцать. И я хотела с детьми отпраздновать начало каникул, сходить куда-то поесть, а потом – на спектакль в молодежный театр. Им еще рановато, конечно, ходить на вечерние спектакли. А это специальный спектакль – в пять. Вроде и не совсем вечерний, но и не утренник. Замечательная пьеса о судьбе слепоглухонемой девочки, которая не просто научилась писать и читать, а стала ученым и писателем. Я хотела бы, чтобы мои дети начали задумываться о чем-то серьезном, особенно постоянно находящийся в состоянии взрыва Никитос.

Я смотрела на учеников, сидящих сейчас передо мной. Седьмой «А». Это, пожалуй, самый нормальный класс из всех мне доставшихся. Несколько сильных девочек, много крепких хорошистов, два обормота, не пользующихся авторитетом, в отличие, скажем, от хамского, но образованного Тамарина из 8 «В», один мальчик, который постоянно что-то изучает в планшете, не поднимая головы. Сегодня появился

ученик, которого я еще не видела. Крупный, на вид ленивый парень лег еще в конце перемены на парту всем телом и так и лежал, не обращая ни на кого внимания. Не взял ручку, не открыл ни учебник, ни планшет.

– Ты плохо себя чувствуешь? – спросила я его. – Почему ты лежишь на парте? Сядь, пожалуйста, нормально.

Чуть приподняв голову, мальчик объяснил мне, плохо проговаривая слова:

– А мне всё по фиг!

– Я не поняла тебя, – все же попыталась уточнить я.

– Э-э-э-э... – промычал он мне что-то нечленораздельное, как будто не умел говорить.

– Не переживайте! Ему правда все по фиг! Это наш Слава! – пояснила высокая красивая девочка с огромными карими глазами, на которую я обратила внимание на первом же уроке – обратила внимание из-за ее красоты и еще думала – интересно, она хорошо учится? – Наша слава... Ни у кого больше такого Славы нет.

– Мэ-э-э... – промычал он теперь что-то девочке, недовольно.

– Я не в этом смысле, Слав! Я в смысле, что мы тобой гордимся. Слава – в смысле гордость.

– Мэ-э-э... – успокоенно проворчал мальчик и устроился поудобнее.

Надо же, какая удивительная тенденция – схема та же: практически в каждом классе есть яркая сильная девочка –

интеллектуальный и социальный лидер. Это о чем-то говорит? О слабости мужчин? О грядущей смене гендерных полюсов на Земле? О том, что следующим президентом России будет женщина? Я – против. Женщины слишком субъективны, даже самые умные. Основываются на ощущениях. Наша цивилизация – технократическая, рациональная. Мы не умеем летать, в массе своей не умеем даже петь. Не умеем чувствовать чужую боль, не умеем слышать на расстоянии. Не понимаем слов, плохо понимаем. Нами должен управлять мощный разум. Правда, люди с мощным разумом не идут в политику. Они идут в математику, физику, на худой конец – в журналистику.

Или же все наоборот? Человечеству не хватает лидеров с повышенной интуицией, ощущающих, а не анализирующих, понимающих на уровне чувств – единым целым, сразу, не размышляя. Со скоростью, которая и не снилась сознанию, подсознание выдает готовый ответ. И не надо размышлять – потому что все равно всё не охватишь скудным человеческим умом?

– Я бы предпочла не слышать в классе таких слов, ни в шутку, ни всерьез, – ответила я красивой девочке. – Как тебя зовут? Напомни, пожалуйста.

– Меня зовут Катя. Екатерина Бельская.

– Да, Катя. Обходись, пожалуйста, без подобных слов.

– А то чё будет? – заорал один из двух местных обормотов, сидящих, как и положено, на задней парте.

Я не ответила, зная, что он просто привлекает внимание, заводит разговор ни о чем, лишь бы класс повернулся к нему – с негодованием, со смехом, с презрением, всё равно с чем.

Когда нас пугали в университете школой, наши преподаватели не учитывали одного. Да, здесь наукой и не пахнет. А кто сказал, что лишь наука – двигатель человеческого прогресса? Ведь оттого, что и как я расскажу этим и другим детям о русской литературе, а другой учитель – о биологии или математике, будет зависеть, насколько тот разрыв между образованным, думающим человечеством и человечеством, лишь жующим и размножающимся на Земле, будет увеличиваться. Разрыв ведь есть, и очень большой. И он увеличивается. Даже желая понять, чем занимается сегодняшняя физика, просто так не поймешь. Даже читая ежемесячно околонаучные журналы, с трудом будешь следовать просто за направлениями – куда и как идут сложные, специальные науки. А если не читать, не следовать? А если однажды, пусть насильно, не узнать, о чем думал и страдал Толстой, почему разочаровался в религии? Что мучило Достоевского, кроме его страсти к игре, о которой теперь слышаны все. Не понимая, о чем написаны все его многословные романы. Что денег не было – в курсе, а что его волновало, почему он деньги зарабатывал таким именно путем, достаточно сложным, не знают. Что смешного видел Чехов в своей «Чайке», почему назвал ее комедией. Почему, почему...

Без меня, без моих уроков (если у меня что-то здесь по-

лучится) из этого класса, может быть, только Катя Бельская перейдет туда, к той небольшой части человечества, которая мучается, думает, читает Достоевского. А с моими уроками – еще кто-то, пусть двое, трое... Я точно знаю – меня когда-то сформировали, изменили несколько конкретных человек. И первая среди них была – наша учительница по литературе, которая на первых порах у меня даже вызывала внутренний протест: «Так на уроках не бывает! Так не говорят!» Так неформально, так от себя, через себя. Потом была преподаватель латыни в Университете, которая казалась мне пришедшей из старинной гимназии. Так удивительно она говорила о латинской грамматике и поэзии, умудряясь говорить о культуре в целом. И еще несколько доцентов, профессоров, посидев на лекциях или позанимавшись на семинарах у которых, я становилась чуть другой. Дело не в количестве обретенной информации или навыков. Дело в мироощущении, в осознании чего-то самого важного.

Русские писатели-философы братья Стругацкие, облачавшие свои философские вопросы и странные на первый взгляд ответы на них в форму «фантастической» прозы, пришли к пугающему выводу – человечество неизбежно, чем дальше, тем больше раскалывается на две неравные части. Разрыв с каждым годом становится всё заметнее, всё трудно преодолимей.

Это как тектонический разрыв земных плит. Уж мы-то точно ничего не можем с этим поделать. Я это знаю. И все

равно — мне кажется, что с людьми — не как с тектоническими плитами. Я словом, своим словом, могу что-то поменять. Слово — это поступок. Словом можно убить. Можно вернуть к жизни — правда, не всегда. Остановить от последнего шага. Объявить перемирие. Остановить войну вообще. Любую — в классе, в государстве, в мире. Открыть глаза. Поменять угол зрения. Увидеть то, что скрыто. Вдохнуть в человека надежду. И тогда он сможет то, что никогда бы и не попробовал сделать. Спеть, прыгнуть, победить — врага, болезнь, даже смерть.

Я вижу смысл в том, чтобы заставить по-другому думать Сашу Лудянову, Катю Бельскую, других мальчиков и девочек. Гораздо больше смысла, чем написать диссертацию, еще одну, двухсотую, по Гёте или Горькому, или иному классику, ведь именно к этому нас готовили в Университете, приучая к мысли, что в школу идут неудачники.

Я уговариваю себя. Конечно, я уговариваю себя. Я не писала диссертацию — полезную, бесполезную, и вряд ли напишу. Я переводила статьи выдающихся физиков и математиков современности с немецкого и английского на русский. Чтобы ускорить развитие науки. Чтобы усилить раскол между теми, кто Знает и хочет знать, и теми, кто Не знает. И не хочет знать.

Я не буду спешить. Я разберусь. Если пойму, что в четырех классах, где я веду уроки, есть лишь трое учеников, которым что-то вообще нужно, а больше никого нет, я уйду

опять на вольные хлеба.

– Откройте тетради и запишите тему сочинения на дом.

– Мы только что писали сочинение, сколько можно! – заныла какая-то девочка. – И вообще, на каникулы не задают!..

– А по математике задали!

– Да молчи ты, Симкина, дура, что ли! – зашипели на другую девочку.

Надо срочно запоминать их имена. Или не надо? В принципе, некоторые учителя обходятся, как я видела, и так. Знают главных, остальных – путают. Маша, Настя, еще Настя, еще... Поколение Насть, Даш и Полин.

Первой девочке я отвечать не стала. Интересно, с другими преподавателями они тоже так себя ведут? У меня есть окна, надо сходить на чужие уроки и понять – норма ли это хамское, презрительное отношение ко всему и всем. Либо это я, как-то не так представлявшая саму себя, вызываю у них такие чувства.

– Пишем темы: первая – «Вопросы, волновавшие российскую интеллигенцию, на основе анализа произведений А.П. Чехова».

Обормоты с задней парты, Будковский и Пищалин, попытались сострить на тему слова «анализы». Успеха у класса не имели. Но я, не слишком долго размышляя, поставила обоим двойки. Оба взвыли – хотя, казалось бы, что им эти двойки? Ничего в их жизни не изменят, и в четверти, скорей всего, меня попросят поставить им четверки. Школы соревну-

ются, как мне уже объяснили, по количеству отличников и хорошистов.

– Вторая тема: «Что важнее – личное счастье или долг перед Родиной на основе анализа...» Кто догадается, какое это произведение?

– Чехова? – спросила Катя.

– Нет, не Чехова. Другого автора. Совсем недавно вы должны были проходить, я смотрю по учебному плану.

– А, совсем недавно! – заорал Будковский. – Совсем недавно... «Тарас Бульба»! Да, всех убили!

– Причем ни за что! – добавил, смеясь, Пищалин.

– Я рада, что вы хотя бы поняли, о чем речь. А можете с ходу, тезисами, высказать свое мнение?

– Чё? – спросил Будковский, переглядываясь с Пищалиным.

– Слово «родина» тебе понятно? – я решила не поддаваться на клоунский тон мальчика.

Будковский в ответ только что-то заулюлюкал, забормотал, Пищалин стал смеяться, передразнивать его. Ладно, пусть пишут, высказываться устно им сложнее, нужно все время держать образ отвязных парнишек, которые вряд ли будут всерьез рассуждать о Родине, личном счастье, выборе. Даже если они и понимают, о чем идет речь.

Они не выпадут сейчас из своей роли «тупых из подворотни», практически не умеющих говорить и думать.

Я обратила внимание, как несколько девочек, вниматель-

но слушавших меня, тут же набрали что-то быстро в планшетах. И уже обменялись мнениями – в точности таких тем не нашли. Так. Это не дело. Я посмотрела на часы. До конца урока тридцать девять минут.

– Выключите планшеты, положите их на край парт, сверху положите мобильные телефоны.

– А у меня все равно нет денег на телефоне! – заныла та же девочка, которая жаловалась, что сочинения недавно писали. Тоня, я вспомнила, ее зовут Тоня. И Тоня врёт – она только что смотрела что-то в своем телефоне. Не буду даже вступать с ней в дискуссии.

– Я считаю до трех, буду с вами как с первоклассниками – раз-два-три, елочка гори! Кто не положит планшеты и телефоны на край стола, автоматически получает кол и все равно пишет сочинение.

– Ой, блин... – несколько неуверенных голосов все же выразили общее мнение по поводу моей педагогической методики.

А и ладно. Меня устраивает моя метода. У нас профессора и даже академики в Университете имени Ломоносова тоже по-разному воспитывали учеников. Кому-то было наплевать, чем занимаются студенты на его лекции, а кто-то ни шороха, ни единого слова постороннего не выносил. Записывал фамилию, а потом на экзамене снижался балл, даже если экзаменатор был другой. Жестоко, изуверски? Многие ведь жили на крохотную стипендию... Но сиди хотя бы мол-

ча, спи, а не шурши, не болтай, не смейся.

– «Блин» запрещаю говорить на моем уроке. Сейчас видела вот тебя, пока не знаю фамилии, еще тебя... и кто-то на предпоследней парте. Сверху на работе поставьте «минус один». То есть минус один балл.

– Анна Леонидовна? – Катя Бельская подняла на меня удивленные глаза.

– Тебя возмущает мое решение?

– А чё вы у нее-то спрашиваете? Балл же не ей снижен! У нее все равно шесть с плюсом, заранее! – проорал ушастый мальчик с очень темной кожей. Я на первом уроке даже думала, что он мулат. Да нет, просто он среди года ездил в Египет и так сильно загорел, что практически – на вид – поменял расу. – Ей вообще надо в другую школу переходить! Для таких, как она!

– Сегодня педсовет, я передам твою просьбу, Кирилл. Перевести Бельскую в школу для одаренных детей, а нашу школу перевести в статус коррекционной. Поскольку если не будет Бельской и еще пары-тройки учеников, то мы свой статус пилотной школы округа вряд ли потянем.

По лицу Кати я поняла, что сказала что-то не то. Я противопоставляю ее классу. Это неверно. Они знают, что девочка одаренная и – не знают этого. Кто-то, вероятно, со слов родителей, говорит, что она другая. Кто-то просто завидует пятеркам. А кто-то с ней дружит и не осознает, что она уже там – за широкой пропастью, отделяющей разные части че-

ловечества. Глубочайшая, не имеющая дна трещина, которая ширится и ширится. Кому-то из этих детей не перепрыгнуть никогда – туда. Кто-то может попытаться. Но, с другой стороны, речь ведь только о разуме. О радио. Есть же и другая сторона нашей жизни. Теплая дружба, любовь, верность. Двум лучшим друзьям совершенно не обязательно одинаково хорошо разбираться в «спинах» и «цвете» кварков.

– Открыли тетради, у кого они есть, у кого нет – берем листочки. И пишем сочинения прямо сейчас.

– Не дома? – уточнила дотошная Тоня.

– Сейчас – это точно не дома, Тоня.

– Так мы же не готовились к сочинению, это нечестно! – заныла Тоня и за ней еще несколько девочек.

– Мне не нужно, чтобы вы дома скачали рефераты и чужие сочинения в Интернете. Мне интересно узнать, что думаете вы. Вы проходили эти темы. Пожалуйста, не тяните время.

Девочки возмущались, тихо переговаривались, отбрасывали волосы, закатывали глаза, вертелись. Мальчики небрежно один за другим пооткрывали тетрадки и стали что-то писать. Постепенно весь класс засопел. Только лежащий всем торсом на столе крупный Слава с длинным, странным лицом перевернулся на другой бок и стал тихо напевать.

– Ты не будешь писать сочинение? – спросила я его, тут же поняв, что вопрос неверно сформулирован. Почему вообще я о чем-то его спрашиваю?

– Не-э-э... – опять промычал он. Так изъясняются глухо-

немые, обученные немного говорить. Им трудно, их голосовой аппарат не предназначен для речи, они такими родились. Но Слава-то – здоров! Вроде как.

– Сядь нормально, ручку возьми и пиши, – я постаралась сказать это как можно тверже.

– А мне по фиг! – повторил Слава свою магическую формулу. Однако, не меняя позы, достал откуда-то ручку, с трудом открыл тетрадку и стал там что-то калякать. Ну хотя бы так.

Минут через десять одна девочка подняла руку:

– Анна Леонидовна! Я вообще не знаю, о чем писать. Я не читала Чехова, – сказала она вызывающе.

– Ты не читала Чехова?

Девочка, не вставая из-за стола, объяснила:

– Не читала! У меня не было времени. Я занимаюсь дополнительно. Танцами и французским. Можно, я напишу на свободную тему?

– И я! И я! – раздалось тут же несколько голосов.

– На свободную тему по Чехову? Или остальные тоже не читали Чехова?

– Не читали!

– Хорошо. Поднимите руки, кто хочет писать на свободную тему. Но по Чехову вы будете писать на дополнительном уроке.

Я посчитала. Руки подняли десять человек. Из девятнадцати присутствующих. Это гуманитарная катастрофа? Или

это плохой учитель, Анна Леонидовна, которая не заинтересовала, на худой конец не заставила, и два урока как дура распинаясь перед детьми, которые не знали, о чем идет речь – Чехова-то не читали, Антон Палыча!

– Так, свободная тема не пройдет, – на ходу решила я. – Открывайте свои планшеты, у кого они есть, у кого нет – подсаживайтесь к соседу. Найдите рассказ Чехова «Тоска». У вас семь минут, чтобы прочитать его. Остальное время – на написание сочинения.

Кажется, все прониклись серьезностью момента, повозмущались, но тихо, только бурчали, бубнили. Через пару минут все снова замолчали, засопели, читая рассказ. Удивительные возможности дает сегодняшний день. Человечество, как обычно, из хорошего делает плохое. А Интернет – это всемирная библиотека, лучшие музеи, всё что угодно из культуры, науки – у каждого дома и даже не дома – в руках, в любом месте, где ты сидишь со своим компьютером или улучшенным телефоном. Но Интернет придумали те, кто – за тектоническим разломом, те, кто – там. А пользуются – все. И кто там, и кто – здесь, где не читают Чехова, с седьмого класса не понимают алгебру, только списывают, не понимают совсем, не понимают физику совсем, биологию совсем, химию совсем... И таких детей очень много. Может быть, и не стоит переживать об этом? Это естественно. Есть осы, а есть пчелы. И те и другие – часть экосистемы. Прекрасно сосуществуют параллельно, близкие родственники, тот же подотряд

жалоносных перепончатокрылых... У каждого – своя ниша. Так и с людьми, возможно? Зачем человеку, который всю жизнь будет стоять в мясном цеху и разделять мясо, читать Чехова? Чтобы еще больше страдать от несовершенства мира и своего места в нем? Не знаю. Читать Чехова, чтобы по-другому воспитывать детей, хотя бы так. Идеалистично? Крайне.

– Прочитали? Планшеты кладем на край стола. Темы: первая – «Почему рассказ так называется?».

– А можно ответить одним предложением? – спросил ушастый загорелый Кирилл.

– Нет, нельзя. Объем – от двенадцати предложений.

– О-от? – возмущенно переспросил он.

– От. Ты знаешь, сколько предложений ты за урок сказал? Постарайся теперь обуздать свои скачущие вдоль и поперек головы мысли и написать что-то внятное.

– Так что, мне предложения считать? – удивился Кирилл. – А свобода творчества?

– Слышишь звон, Кирилл, да не знаешь, где он, вот честное слово!

– Чё? – со своей магической формулой теперь высунулся Будковский с задней парты.

Я только отмахнулась от него.

Вот смешно – слова-то они знают, но действительно не понимают, что они значат.

– В дореволюционных гимназиях часто задавали сочи-

нения строго определенного объема. Это дисциплинирует мысли. Я должен распределить все, что я хочу сказать, на пять предложений. Или на пятнадцать. Вторая тема, если кому-то интереснее будет она: «Я сочувствую главному герою, потому что...».

– Странная тема... – проговорил мальчик с как будто хорошим и правильным лицом, но быстрым и неуловимым взглядом.

Вот он смотрит на тебя, а вроде и не смотрит. Может, у него просто астигматизм?

– Какое отношение эта тема имеет к литературе? – продолжал мальчик.

– Петя! – шикнули на него девочки. – Не мешай писать!

– Нет, почему. Давайте на минуту прервемся. Это важный вопрос. А литература, Петя, как ты думаешь, чем занимается вообще? Для чего пишутся книжки?

– Для бабок! – проорал Будковский.

– «Минус один балл» себе поставь сверху на работе, – попросила я его.

– Чё это? – возмутился мальчик. – Я же не «блин» сказал, а «бабки»! Вован, – он пихнул своего друга Пищалина, – ты слышал, я чё, разве «блин» сказал?

Пищалин поддержал Сеню, забубнил:

– Не, правда, Ан-Леонидна, «бабки» – это не «блин»... Чё, «бабки» нельзя тоже говорить? Во, блин, ни-чё нельзя уже... «Бабки» – нормальное слово...

Ушастый Кирилл, обрадовавшись, что атмосфера как-то разрядилась, все говорят вслух, сочинение вроде не пишут, встал, объявил: «Бурановские бабки!» и попробовал сплясать и спеть.

– Сядь, Кирилл. И «минус балл» напиши себе на сочинении.

– Офигеть, – тихо, но внятно отреагировал Кирилл.

– «Минус два балла» напиши.

Кирилл, побледневший от ярости даже под своим сильным загаром, сел на место и стал что-то черкать на листочке.

Я подошла к нему и подписала сверху в открытой тетради: «Минус два балла».

– Вам же хуже, – еле слышно пробурчал Кирилл.

Фамилию его я забыла, какая-то длинная, сложная, а сейчас бы хорошо – по фамилии, построже. Вообще, конечно, виновата я, они были сосредоточены на сочинении, я сама поддаюсь на провокации. А они – люди умелые. Как сорвать урок, как перевести разговор на переход на летнее время, на недосып, а также на всеобщее обнищание педсостава, на то, что не разрешают теперь дарить подарки учителям на праздники (зачем только в школу шла?), на всякое разное – это умеют даже мои третьеклассники, научились уже, особенно один из них, ныне загипсованный.

– Так какие вопросы решает литература?

– Нравственные, – сказала Катя Бельская.

– Философские, человеческие... – поддержали ее

несколько голосов.

Ну вот, не зря мне обещали, что в этом классе я буду отдыхать. Что здесь есть ученики, хотя бы похожие на гимназистов. Класс гимназический, вроде как.

– А сочувствие – это категория нравственная, ведь так?

– Так... – нестройно согласились со мной дети.

Не уверена, что они понимают смысл слова «нравственность». Но времени выяснять это сейчас не было.

– Вот и пишите. Осталось, кстати, пятнадцать минут. Но диспут нам тоже не помешал. Лучше высказать вслух свои сомнения, чем автоматически списывать, не понимая слов.

Мне показалось, что я услышала согласие со своей последней фразой. Нет, никто ничего не произнес и подобострастно не кивал. Просто почувствовала волну согласия. Энергию согласия. Не знаю слова. Нет пока таких слов в нашем языке. Или уже нет.

Глава 10

Педсовет шел уже полчаса. Я успела рассмотреть всех учителей – удачно села сбоку у окна. Я не видела лиц лишь тех, кто сидел на первом ряду. Я раньше всегда представляла, что педсоветы проходят за одним большим столом. Возможно, когда-то видела это в кино или в детстве заходила в учительскую. Наш педсовет проходил сейчас в актовом зале и больше напоминал даже не собрание, а классный час. Классный руководитель объявляет новости, дети сидят, спят, играют во что-то и ждут, когда можно убежать.

– Недопустимо занижать оценки ученикам, – говорила директор. – Мы всегда должны помнить – дети стараются. Лучше поощрить их, поставить выше. По успеваемости наша школа, вы знаете, – в числе лучших в округе. И мы должны так держать, ни в коем случае не опускать планку. Вот в пятом «В» у нас ни одного отличника. Как это может быть?

Я смотрела на спокойные, даже равнодушные лица учителей. Они привыкли к вранью, иначе в школе не продержишься. Но ведь от этого так тошно. Когда все вокруг врут, все знают, что врут. Как в политике. Президенты знают, что врут, народ знает, что президенты врут, президенты знают, что народ знает, что они врут... И дальше – в зависимости от географической широты и долготы. Где-то, скажем, где столетиями был закон «Вассал моего вассала – не мой вас-

сал» и демократические свободы вошли в плоть и кровь прапрапрадедушек ныне живущих граждан, врущих президентов меняют, судят, дискредитируют, меняют на менее лживых – с виду... У нас же на второй день правления бухаются в ноги вчера еще никому не знакомому царю с криком: «Царь-батюшка! Только ты нас спасешь!» И никак пока по-другому не получается. И любой маломальский начальник – царь-батюшка или царица-матушка для своих подчиненных.

– Где классный руководитель пятого «В»? Не вижу!

– А если в классе нет отличника? Дети все слабые. Это же коррекционный класс.

– Кто это говорит? – царица-матушка Маргарита Ивановна напряженно посмотрела в сторону окна, где сбоку, спиной к свету, сидела я. Она приставила руку козырьком ко лбу. – Кто это сказал? Лица не вижу! Встаньте!

«А головой об пол не бухнуться?» – усмехнулась я внутри себя и встала, под удивленными, насмешливыми и вопросительными взглядами учителей.

– А, понятно, присаживайтесь! – Директор махнула на меня рукой.

– Я...

– Вы не записаны в регламенте выступлений, – довольно дружелюбно объяснила она мне. – Не обижайтесь, сядьте! У нас педсовет проходит по регламенту, иначе, с прениями, мы до утра отсюда не выйдем. Просто имейте в виду – не нужно подчеркивать, что это класс для детей со сложностями обу-

чения и социальной адаптации. Это – дети! Понимаете – тоже дети! Да, они не так быстро читают, у них проблемы со здоровьем. Так что же, списать их со счетов? У них, что, не может быть отличников? Где Ирина Руслановна, я не понимаю?!

Рассерженная моим неожиданным замечанием директор не видела, что классная руководительница пятого «В» давно встала и ждала, когда ей дадут слово.

– А, вижу! Ну что, Ирина Руслановна! Плохо работаем с классом, плохо! Нужно выявлять способных детей, помогать им, тянуть их.

– Да, хорошо, Маргарита Ивановна, я постараюсь, – кивала Ирина Руслановна.

Да там не то что отличников, там хорошистов не может быть, в этом классе! Я наконец увидела почти весь класс, одиннадцать человек. Пришли двое из трех болевших. Точнее, один просто отдыхал за границей в учебное время, а девочка болела. Девочка – слабенькая, плохо говорит, путается, не может закончить фразу. Мальчик – откормленный, розовощекий, говорит нормально, но читает по слогам – в пятом классе. Остальные дети как будто понимают не все слова, смеются, отвечают только на самые простые вопросы. Не хулиганят, нет, но учиться нормально не могут. Хотя что такое – «нормально»? Прилежно, открывая каждый день для себя что-то новое? Тогда и эти дети могут хорошо учиться. Или быстро, схватывая все на лету, опережая учителя? Так

учатся лишь несколько человек из всей школы... Говорят, некоторые родители стремятся, чтобы ребенок попал в коррекционный класс, чтобы ему было больше внимания, чтобы детей было меньше – как в частной школе. Но я таких родителей не знаю. И в частную школу своих собственных детей не отдала бы, даже будь у меня на это средства.

– Так, теперь об успеваемости в целом. Татьяна Семеновна, пожалуйста, вам слово, – директор кивнула завучу по учебной работе.

Маленькая полная завуч встала и начала говорить, высоко подняв подбородок, будто кивая каждому своему слову, соглашаясь сама с собой. Она еще учитель биологии. Может, как завуч она выступает, а как учитель-предметник – соглашается с вышесказанным?

– Ну что, коллеги, учеба у нас уже лучше по средним показателям, но еще мало отличников по всей школе. Надо подтянуться восьмым классам, о пятом «В» уже Маргарита Ивановна сказала. Но еще у нас отстают по отличникам пятый «А». Такой сильный класс, одни хорошисты, а отличник всего один! Как это может быть? Нужно стараться.

Я сидела и ничего не понимала. Как это могут учителя стараться, чтобы в классе было больше отличников, чем есть сейчас? У них же не по физкультуре четверки, у этих детей, которые не дотягивают до отличников!

– Это особенно касается Елены Витальевны, преподавателя математики, – продолжала завуч. – У вас что ни кон-

трольная, я посмотрела сводки, – четверки да тройки. Где Елена Витальевна?

Молодая тоненькая учительница математики привстала.

– Елена Витальевна, объясните, пожалуйста, почему у вас дети так плохо пишут контрольные?

– Не тянут, – спокойно ответила Елена Витальевна. – Набрали в гимназический класс всех, кто не поступил в гимназии. Дети слабые, учились по слабым курсам в младшей школе. Комбинаторики не знают, с устным счетом едва знакомы, путают деление и умножение...

– Сейчас в предметную специфику не нужно углубляться! – прервала ее завуч. – Все-таки постарайтесь, чтобы результаты были адекватные!

– Так они как раз адекватные! – удивилась учительница математики. – Кто знает на четверку, тот четверку и получает. Кто на тройку – тот получает тройку. На два – так двойку.

– Так что, Елена Витальевна, у вас никто математику на пятерку не знает? – ухмыльнулась завуч.

– Нет, конечно, – так же спокойно ответила математичка, как будто не слыша ехидства в голосе завуча. – Как только кто-то будет знать и решать на «отлично», он получит пятерку в четверти.

– Очень категорично! – покачала головой завуч. – Надо развернуться лицом к детям, возьмите себе на заметку. Меньше думайте о себе.

Я смотрела на других учителей. Вот эта дорабатывает до

пенсии, она точно связываться не будет. А эта – уже пенсионерка, ей просто нельзя выступать против. Отправят на одиннадцать тысяч рублей домой. А остальные? Молодые и относительно молодые, на вид решительные, энергичные? Или они такие зависимые? Место учителя английского, говорят, на драку-собаку, они получают больше остальных. Или же просто это такая игра – все молча согласны с ее условиями или не согласны. Но молчат. Я не верю, что всем все равно. А может, директор и завуч говорят – а караван идет вперед, как идет? И это все пустой звук? Говорят, потому что обязаны говорить? Да нет, мне кажется, они пытаются настоять на своем любыми путями.

– Так что, уважаемые коллеги, стремимся к повышению показателей. Вот у нас есть один класс, там пять отличников. И только два ученика, которые не успевают. Для нашей школы «не успевают», – завуч улыбнулась, – это значит, имеют в четверти тройки! Этот класс – седьмой «А», гимназический класс.

Я знаю и этот класс, там учатся Катя Бельская и Слава, перекатывающийся своим большим торсом по парте. А также Будковский с магической формулой «Чё?» и его приятель Вова Пищалин. Да, теперь в этом классе отличников точно будет меньше. Завуч пока не в курсе, что сегодняшнее сочинение они написали в основном на двойки. Я успела проверить на седьмом уроке, пока ждала педсовет. Даже не пришлось никому ничего снижать по «штрафным баллам». Я не

могла себе представить, чтобы дети до такой степени ничего не понимали в прочитанном, не умели анализировать, не находили обычных слов для выражения одной-двух мыслей, не имели этих мыслей вообще. Я подумала и подняла руку.

– Да, Анна Леонидовна? – напряженно спросила меня завуч. – Вы хотите что-то спросить?

Я мельком увидела, что несколько учителей посмотрели на меня, когда я вставала, не то чтобы сочувственно, но... скажем – доброжелательно. Историк Евгений Борисович, например, которому Роза в первый день советовала ко мне не приставать. И другие. Может быть, они тоже хотели бы это сказать? Или говорили когда-то, а потом – замолчали?

– Я должна предупредить, что в этом классе вряд ли будет пять отличников. По русскому и особенно литературе там только одна девочка, от силы две, знают на пятерку. Остальные списывают, не знают ничего, не могут выразить своих мыслей, не читали Чехова...

– Анна Леонидовна! – прервала меня завуч. – Мы с вами отдельно побеседуем, хорошо? Вы у нас человек новый, многого не понимаете...

– А что я не понимаю? – пожала я плечами. – Я вижу, что дети не читают программных произведений. Скачивают рефераты с Интернета, играют в телефоне на уроках, общаются с товарищами он-лайн все сорок пять минут, а пишут при этом с грубейшими, невозможными ошибками. Я не поставлю пятерок за такие знания. И четверок не поставлю.

– А вот вы и научите их и читать классику, и писать без ошибок! – натужно засмеялась завуч. – Вы же не хотите, Анна Леонидовна, да, да, я скажу при всех, вы же не хотите, чтобы труд всех остальных учителей пропал даром из-за вашего упрямства? Чтобы школа скатилась в рейтингах на последнее место, из-за того, что вы, видишь ли, не хотите поставить пятерки... – она осеклась, прокашлялась. Посмотрела на директора.

Та, благожелательно улыбаясь, несколько раз помахала рукой, усаживая меня жестом. И встала сама.

– Итак, коллеги, я очень рада, что у нас в нашем коллективе появился еще один демократически мыслящий педагог. Очень рада! – Директор оглядела всех, на секунду задержавшись взглядом на мне.

Мне показалось или я увидела в ее взгляде... жалость, снисхождение? Почему? За что меня жалеть? Или это было просто удивление? Она удивлялась, что я не понимаю очевидных вещей, не понимаю, как работает система? Но ведь работает же! Наша школа – действительно лучшая в районе, я поэтому сюда своих детей и отдала...

– Наш коллектив, – спокойно и уверенно продолжила директор, – отличается высоким гуманизмом и демократичностью. Все мнения выслушиваются, принимаются к сведению. Если учитель не справляется с классом, не может дать ему нужных знаний, мы ему поможем, не оставим в беде. Следующий вопрос – об отстающих учениках. Попрошу методи-

ческое объединение доложить о плане работы на оставшиеся полгода.

Полная учительница с медно-рыжими волосами стала докладывать о том, как предполагается подтягивать отстающих. Прозвучали фамилии. Некоторые я уже знала. К каждому ученику прикрепляется сильный ученик и учитель. Дело берется на контроль завучем.

В конце короткого доклада директор спросила:

– Вопросы есть?

– Да, – сказала я и, не дожидаясь разрешения, встала. – Я хочу спросить вот о чем: а есть программа по работе с яркими учениками, с отличниками, индивидуальный план обучения, что-то еще? С теми учениками, которые потом будут развивать экономику, науку, политику, культуру страны? Это первое. И второе. А зачем подтягивать отстающих? Зачем тратить на них время?

– Отвечаю по пунктам. Анна Леонидовна, повернитесь, пожалуйста, чтобы вас все видели! Разрешите представить вам, коллеги, Анну Леонидовну, нашего нового учителя русского языка и литературы. Человек в школе новый, но очень грамотный, и мы постараемся, чтобы Анна Леонидовна вписалась в наш дружный коллектив. Итак, ваши вопросы. Первое. С яркими учениками работать легче, для них есть специальная программа департамента образования, включающая олимпиады, конкурсы и так далее. Они участвуют, побеждают, развиваются. Второе. Подтягивать отстаю-

щих нужно, чтобы в стране не было безграмотных. Считайте, что это просто программа всеобуч. Все должны читать, писать, считать, знать физику, историю и так далее. Мне кажется, что даже обсуждать это странно. Но вы у нас человек со стороны, и я с удовольствием и пониманием отношусь к вашим сомнениям. Приходите, разберемся, если будут еще вопросы.

– Спасибо, – сказала я и села.

Мне нечего было ответить ей. Да и не надо было. Ведь права она – по большому счету. Не я. Она все правильно сказала. Формально, но правильно. Может, она думает в масштабах страны? А я – лишь в масштабах тектонических плит...

– Вы не правы, – подошла ко мне после педсовета очень полная и симпатичная учительница. – Я Ольга Ильинична, учитель французского. Вот понимаете, у меня дочка – очень слабая. Мне ее жалко. Она учится в другой школе. И когда я занимаюсь с отстающими, сочувствую им, уделяю им много внимания, больше, чем всем остальным, я всегда надеюсь, что кто-то так же отнесется к моей дочери.

Я смотрела в круглое, доброжелательное лицо учительницы. Она так искренне говорила. И такую ахинею. Ведь она закончила институт, судя по отсутствию говора, – московский. Она отучилась пять лет, сдала госы, как минимум двадцать экзаменов и кучу зачетов. Наверно, умеет говорить по-французски, или хотя бы писать и читать. Почему же я слы-

шу от нее сейчас такие странные слова? Понятно, у нее своя правда...

– Это не резон, – постаралась как можно мягче сказать я, чтобы не обидеть Ольгу Ильиничну. – У меня сын балбес и обормот, ходит сейчас в гипсе, даже в гипсе умудряется драться. Что же мне, всех балбесов жалеть и выделять? А драчунов в особенности?

– Так их же правда жалко! Они же самые незащищенные! Поэтому и дерутся! Свое место отстаивают... – светло улыбнулась учительница. – Да нет, я обожаю умненьких, ярких детей. Вот Катя Бельская, я все время ее матери говорю: «Ну зачем вы ее в нашей школе держите! Отдайте в гимназию, где все такие, как она!»

– И разлом тектонических плит усилится... – проговорила я.

– Что, простите? – вскинула белесые, почти невидимые на лице брови учительница.

– Громадная пропасть между детьми. Они этого не знают. Насколько они разные.

– Так это же хорошо! – радостно воскликнула учительница. – Это залог прогресса!

Я не стала продолжать разговор. Мы говорили о разном. Как выражается Андрюшка, о зеленом и красном. Не успела я подумать о нем, как он позвонил. У нас так бывает очень часто.

– Как там наш раненый боец?

– Андрюш, не спрашивай. Я не знаю, что с ним делать. Пошел в школу в гипсе и дерется снова. И еще мне рассказывает, как здорово гипсом можно драться. Больно очень.

– Так правда же здорово, Нюсь!

– Расскажи ему, как у тебя в детстве неправильно срослась рука и тебе ее ломали, помнишь?

– Можно, я лучше с этим Дубовым поговорю?

– Можно, только сдачи ему за Никитоса не давай, хорошо?

– Как выйдет! – засмеялся Андрюшка. – Мы своих не сдаем!

– Это точно, – я вздохнула. – У меня был педсовет, Андрюш, только что вышла. Дети пока киснут в школе. Ждут меня. Каникулы же начались.

– Ты что, на педсовете выступала?

– Выступала, – снова вздохнула я.

– И что? Встретила единомышленников?

– Ну да, одна молодая учительница математики тоже не хочет ставить пятерки для общей статистики.

Я разговаривала, спускаясь по лестнице. Меня обогнал мужчина среднего роста и обернулся. Я даже вздрогнула. Господи, никогда не видела такого странного и некрасивого лица. Как же дети к нему относятся? Интересно, что он преподает?

– Я перезвоню, неудобно, – сказала я брату.

– Позвольте представиться, – некрасивый учитель церемонно раскланялся и даже протянул мне руку для пожатия. –

Анатолий Макарович.

Смена гендерных полюсов. Так не положено. Но того мира, где не было положено, уже нет. Мир пошатнулся. Теперь все будет по-другому, хочешь не хочешь. Шесть мужчин в метро сидят, шесть женщин стоят рядом с ними, упираясь в мужские коленки – никто не краснеет, никто не уступает место. Зачем? Женщины ведь не беременные, не слишком старые. А вот мужчина протягивает руку, не спрашивая меня, хочу ли я вообще дотрагиваться до него и его руки. Так! Не будем строить из себя воспитанниц Смольного института благородных девиц.

Я слегка пожала протянутую мне руку и взглянула в глаза учителю, стараясь не смотреть на остальное лицо. Но у меня же обзорное зрение, я вижу вокруг, не только перед собой, но и сбоку, вижу то, что совершенно не нужно видеть! Лицо очень неприятное. Но он не виноват. Один глаз чуть выше, другой чуть ниже, кривой рот, впалые щеки, желтоватая кожа – и сильный, слишком сильный запах табака. Да, видела из окна, как трое мужчин все время курят около школы на переменах. Он – явно один из них.

– Мне понравилось, как вы говорили, – сказал он. – Они действительно ничего не знают. Верят в привидения, в бога, смотрят по телевизору всякую мистическую муть...

– Я тоже верю в Бога. Отчасти, – ответила я.

– А отчасти не верите? Вот и правильно! И для статистики я тоже оценки не ставлю. Мой предмет, конечно, не глав-

ный...

Я покосилась на его руки. Труд, что ли? А какой еще не главный предмет?

– Я географ. объездил всю Землю с экспедициями, а потом надоело, захотелось передать всё, что я знаю, кому-то еще.

– Разве можно передать ощущение, когда поднимаешься в горы или приезжаешь в какой-то новый город и идешь по его улицам, впитываешь его дух, смотришь в лица людей...

– Вы – учитель словесности, я знаю, – улыбнулся мужчина. И от этого стал еще некрасивее. Пятно, страшное родимое пятно на одной части лица, я сразу не заметила. Надо же как – и это всё одному человеку досталось.

Это неправильно. Я понимаю. Человек не виноват, что он некрасив. Но это заложено в удивительную программу жизни. Гармония, золотое сечение. Правильные соотношения в лице, фигуре. Уродам сложнее произвести потомство. Природа отсекает уродство во всех проявлениях. Симметрия и гармония. Вот что нужно природе. Почему? Разве разными по размеру и высоте глазами хуже видишь? А смешно оттопыренными ушами, за которые тебя не любят девочки, хуже слышишь?

– Я просто с ними уже не спорю, – мучительно некрасивый учитель географии показал куда-то вверх. – Ставлю четверки, да и все. Отличникам потом все равно заставят натянуть пятерки. Так что я стараюсь не натягивать.

– А как? – с интересом спросила я.

– Заставляю их учить, сдавать, готовить неформальные доклады, презентации, хорошие, качественные, ездить на экскурсии, делать отчеты. Устраиваю контрольные, на которых они могут пользоваться учебниками. Есть много способов поставить детям честную пятерку.

– Удивительная цель! – засмеялась я. – Стоило пойти в школу работать, чтобы узнать об этом.

– Вы философ, – заметил Анатолий Макарович. – Заходите как-нибудь на чаёк, мой кабинет на четвертом этаже.

– Непременно, если меня не выгонят за свободомыслие, зайду!

– Да вы что! – вполне искренне засмеялся учитель географии. – Выгонят! Фактор свободомыслия только укрепляет тиранию, разве вы не знали? Люди высказались, покричали, у них отлегло, дальше можно ими управлять.

– Ну мать, ты даешь! – Тяжелая рука легла мне на плечо. – Тебя просили лезть в бочку? Я за тебя хлопочу, хожу, тебе всякие льготы выторговываю, вот в поездку тебя включили... В Чехию собираемся на следующих каникулах! Всего десять учителей едут. Макаровича, – Роза кивнула на спешно ретировавшегося географа, – не берут, а он просился, знаешь как! Цена льготная, из департамента спустили путевки, программа – закачаешься.

– У меня дети, Роз, спасибо. Я, наверно, не смогу поехать. И в Чехии я была.

– А! – Роза чуть отступила от меня, и мне стало нехорошо под ее взглядом. – Ну смотри-смотри, как знаешь. Была бы честь предложена.

– Да ты не обижайся! – Я дотронулась до ее запястья. А Роза отдернула руку так, как будто я прикоснулась к ней раскаленным прутом. Господи, вот нервы-то истрепаны! Я взяла ее за запястье, но Роза резко вырвала свою руку.

– Ты что? – прошипела она. – Не в пионерском лагере!

– Да что такого? – пожала я плечами. – Извини. Насчет поездки – спасибо за заботу, но просто...

– Да пожалуйста! – легко прервала меня Роза и пожала крупными плечами. Сегодня она была в красивом зеленом платье, почти до полу, карандашиком, в сверкающей фиолетовой шали, с большими серебряными украшениями. Королева. Лицом не красавица, фигура тяжеловата, а – королева!

– Тебе идет наряд, – искренне сказала я.

– Да? – улыбнулась Роза, поправила платье и на секунду стала похожей на себя саму, которую я когда-то знала в детстве. Ведь мы настоящие – в детстве, пока мы без чехлов, без грима, со всеми положенными органами, без очков, со своими зубами, с непрекореженной душой.

– Да. Ходи так почаще.

– У меня много нарядов есть! – похвасталась Роза. – Ты еще увидишь. Ну ладно. В общем, больше так не выпендривайся на педсоветах, хорошо? И вообще не выпендривайся. А то мне будет трудно тебя защищать.

Почему-то я не поверила Розе, что она меня защищает. Нейтрализует выскочку, как может, – это да, вполне вероятно.

Роза поплыла дальше по коридору. Я хотела ее окликнуть и спросить в двух словах – может, есть еще какие-то неписанные, но строго соблюдаемые законы, и мне лучше о них знать? Но не стала окликать. Не скажет она искренне ничего. Она в кожанке, в футляре, в чехле и очень давно. Это я прискакала со свободы в чужой монастырь, зверинец... – как посмотреть. Я подожду пока уходить. Мне даже интересно.

Я уже спешила в младшую школу к детям, когда зазвонил телефон. Это была Роза.

– Да, забыла тебе сказать... – она говорила вкрадчиво и жестко. – Тут Громовские написали заявление директору. О том, что ты третируешь их сына. А он готовится в такой сложный вуз, ему надо беречь нервы.

– Роза! – Я даже остановилась. Я не знала, с чего начать. – Это же бред!

– Прости, Ань, не могу говорить, совещание у директора, это вы домой побежали, а мы-то остались, у нас еще вопросов нерешенных много. Так что ты зайди на каникулах к Маргарите Ивановне. Не забудь. Надо будет объяснительную оставить, почему так все произошло.

– Так я же писала тогда!

– Аня, зайди к директору! – Роза отключилась, не попрощавшись.

Мне по-прежнему интересно в школе? Или все же написать заявление и уйти? Нервы будут целее, накопаю рассказик «Как я была училкой...». Была и вся вышла, за полторы недели.

Глава 11

Вечером к нам пришел Игоряша.

– Ну что ты пришел, что? – набросилась я на него. – Суббота – завтра! Что ты пришел?

– Не мог дожидаться, – улыбнулся Игоряша. – Я духи новые купил, чувствуешь?

– А я думаю – чем так несет из коридора? Скипидар с гвоздикой... И я тебе двести раз говорила – не духи, а одеколон. Духами женщины пользуются!

– Но это самый новый запах, «Армани-спорт»...

– Выбрось их! Купи тройной одеколон! И то лучше пахнет!

– Хорошо, – обескураженно кивнул Игоряша. – Что, мне сейчас уйти? Я буду тебя раздражать?

– Да! Ты будешь меня раздражать! Но уходить не надо. Что я, Салтычиха какая-то? Меня в школе нарутали, в пух и прах разнесли, я буду на крепостных срываться?

– Я согласен быть твоим крепостным, – застенчиво произнес Игоряша.

– Ой, еще мне тебя сейчас не хватало! – я отмахнулась от него. – Дети! Может, появись? Ваш папа пришел!

– Папа, папа, – выскочил первым Никитос, – хочешь, я тебя гипсом ударю?

– Ты что, вообще, что ли? – я остановила на лету Ники-

тоса. – Он гипсом дерется, – объяснила я Игоряше. – Очень удобно получается.

– Ага! – засмеялся Никитос. – Ну, что ты принес маме?

– Почему маме? – удивился Игоряша.

– Ты всегда что-то маме приносишь, мне – никогда!

Настька уже нарисовалась рядом. И не знала, чью сторону принять. То ли защищать папу, то ли все-таки консолидироваться с братом, она сейчас его опекает, раненого...

– Ко мне иди, – кивнула я Настьке, видя ее маету.

Она тут же подошла ко мне и прилипла сбоку.

– Мальчики, – обратилась я к Игоряше и Никитосу, – а не сходить ли вам в магазин? А то у меня ничего нет на ужин. Одни макароны. И кажется, сыр. Или сыра нет.

– Я буду макароны, – процедил Никитос, меря меня страшным взглядом.

Как это я могла его так предать! Его! Никитоса! Защитника и моего лучшего друга – только вчера он брал с меня клятву, что я его лучший друг! – отправили в магазин, да еще с кем! С Игоряшей!

– И я, макароны... – прошелестела сбоку у меня Настька.

Она стояла, обеими руками ухватившись за мой бок. Это было не очень удобно. Но когда-то, когда она была маленькой, она всегда стояла рядом со мной, держась за ногу. Сейчас за ногу уже не получается, и она всегда стоит, крепко уцепившись за свитер, за карман или как сейчас – впившись пальчиками в тело.

– Отцепись слегка, пожалуйста, – сказала я ей и разжала пальчики. – Что это у тебя на руке?

– Это ее Лешка укусил! Песочников! А я ему за это как раз и дал гипсом! Ты же не стала слушать! Ругалась! Я же не просто так дерусь, мам! – тут же объяснил Никитос.

– Да! – подтвердила Настька, сияющими глазами глядя на Никитоса.

Я ее понимаю, у меня у само́й хороший брат.

– Нюсечка, в магазин надо? Я схожу! Только я денег с собой не взял...

– Ну ты даешь! – я засмеялась. – Как денег не взял? Ну а вдруг что надо купить, там, я не знаю, за бензин заплатить или штраф...

– Я пешком пришел...

– Ой, господи, детский сад! Пешком он пришел, да еще и без денег. Игорь, ну что ты как третий ребенок у меня, самый младший!

Вот потому дети и не уважают его, что я при них так с отцом их разговариваю. А как с ним еще разговаривать?

– Нюсечка... – обиженно посмотрел на меня Игоряша.

– Ну а как с тобой еще разговаривать, а?

Игоряша несколько лет назад разменял свою квартиру, в которой жил, как и положено, с мамой, с нашей бабушкой Натальей Викторовной. Спасибо Наталье Викторовне, согласилась расстаться с квартирой, где провела без малого сорок лет. Я уговаривала ее тогда, как могла: «Не надо! Игорю бу-

дет без вас одиноко, и вам будет плохо в новой, непривычной квартире!» Но она слишком любит Игоряшу и поддалась на его уговоры. А у него, как я считаю, был очень хитрый план. Оказаться рядом с нами, и не просто рядом, а очень одиноким, неприкаянным, необхожденным, с оторванными пуговицами, с батоном хлеба в пустом холодильнике. Но не тут-то было! Никто его жалеть и обихаживать не стал. Игоряша помаялся-помаялся, да и снова съехался с мамой, нашел, молодец, квартиру, очень похожую на ту, в которой они жили в Черемушках, только на соседней с нами улице. Теперь может приходиться к нам пешком и без денег, аккуратный, со всеми пришитыми пуговицами, любовно наряженный мамой, которая уже очень мудро смирилась с существующим положением вещей, не самым худшим, правда. Ведь никто не ссорится? Нет. Никто не плачет? Нет. Не знаю, конечно, может, Игоряша и плачет по ночам, от одиночества и беспомощности. Но вряд ли. Мне кажется, он хорошо спит, ест с аппетитом и всегда влюблен. Разве это не лучше, чем пресыщенный муж, которому надоела жена и на кухне, и в спальне, и на даче, и по-всякому... Конечно, бывает, как у моих родителей. Никто никому не надоел. Умерли в один день практически, любили друг друга до смерти. Но это скорее исключение.

– Так, ладно. Все идем в магазин, – решила я.

– Да-а-а! – заорал Никитос и высоко подпрыгнул, стараясь дотянуться до потолка.

Не дотянулся и тут же стал задираться к Игоряше:

– А ты смог бы? Смог?

– Я? – неуверенно улыбнулся Игоряша. – Я – да. Наверно...

– Он смог бы! – ласково улыбаясь Игоряше, добавила Настька. – Только он не хочет. Да, пап?

– Да! – радостно подхватил Игоряша. – Одеваемся, одеваемся!

Никитос снисходительно постучал Игоряшу гипсом.

– Давай, прыгни!

– Послушай-ка, – я небожно взяла своего лучшего друга за ухо, – ну-ка хорош, а? Кстати, я тебе рассказывала, как у Андрюши не срослась рука и ему ее снова ломали?

– Уже два раза, мам! – ответила за брата любящая сестра. – Никитос, тебе помочь застегнуть куртку?

Никитос сделал всем сразу страшную рожу. Мне – за предательство, Игоряше – за его очевидную слабость, Настьке – просто до кучи.

И мы отправились в магазин.

Я шла по улице, чуть отстав от всей веселой компании. Никитос что-то взхлеб рассказывал и показывал всеми движущимися конечностями, Настька переливчато смеялась, Игоряша качал головой, что-то бубнил и кричал. А я думала: вот хорошо это или плохо, что я такая? В том-то и дело, что полутонов здесь не может быть.

Или хорошо, или плохо. В нравственности вообще нет по-

лутонов. Или нравственно или нет. Полунравственно быть не может. Вот я – нравственная? Или нет... Но я его не люблю! Зачем рожала? Хотела детей. И он – хороший человек. А жить с ним не могу, не хочу. Не люблю. Детей люблю. Даже Наталью Викторовну уважаю. И симпатизирую ей, она хорошая, порядочная и умная женщина. А Игоряшу не люблю.

Он как будто услышал мои мысли и обернулся тревожно:

– Анюся?

– Идите-идите! – постаралась как можно дружелюбнее ответить я.

– У тебя все в порядке?

– А что? Тебе сон тревожный приснился?

– Анюся, ты что! Я не сплю же на ходу... – удивился Игоряша.

– Вот и не спи. Смотри, Никитос у тебя что делает... Никита! Черт такой...

Никитос увидел впереди ледяную дорожку – и понесся по ней. Этой зимой мы живем без любимых ледянок, по которым так весело, так сладко прокатиться с ветерком. А тут весь тротуар решили посыпать едкой мерзкой солью, разъедающей новые сапоги, вздымающей старые, как будто прожигая кожу, и главное – полностью растворяющей снег даже в мороз. Кому это пришло в голову? Думаю, тому, кому это выгодно, – как обычно. В диком капитализме, который свирепствует в России уже третье десятилетие, всё или почти всё делается потому, что это кому-то, одному маленькому

му троечнику, который с трудом закончил среднюю школу и нашел где применить себя, – вы-год-но. Все, точка. Логика большинства решений в экономике, здравоохранении, образовании и, увы, даже культуре.

– Никита-а-а!..

Я с ужасом смотрела, как Никитос, разогнавшись, летит головой вперед, а на него по тротуару едет, и довольно бодро, белая, очень чистая, очень-очень красивая машина, с блестящими бамперами, большими удивленными фарами... Никитос не мог остановиться, а машина, наверно, не хотела. Или тоже не могла. Все происходило быстро и как будто с выключенным звуком.

Я увидела, как неловко стал прыгать Игоряша, высоко задирая ноги, пытаясь догнать и подхватить Никитоса, как застыла Настька с вытянутыми вперед руками, видела длинноволосую женщину за рулем, она одной рукой держала телефон, а другой руль и смотрела почему-то не на Никитоса, а куда-то выше... Она поправляла темные очки. Темные! Очки! Время было восемь вечера. Февраль. Темнота на улице... Я рванулась вперед, оттолкнув Настьку, застывшую как изваяние.

Я оказалась около Никитоса уже тогда, когда машина стукнула его бампером и остановилась. Никитос упал лицом в снег, точнее, в ледяную дорожку, которая обрывалась как раз здесь. Он лежал на самом ее краю. Собственно, как хотел, так и докатился. Прошлой зимой, когда полно было этих

ледянок, он всегда мечтал докатиться до самого конца – не свалиться и не остановиться посередине. Искал ощущение полета.

Я склонилась к нему:

– Никитос... Ты меня слышишь? Господи...

– Ой, – сказала тетка, вылезая из машины. – Там, что, кто-то есть? Ой... – Она неожиданно попыталась сесть обратно в машину.

– Иди сюда! – Я вскочила и одним рывком протащила ее по снегу. Кажется, она хотела тоже упасть.

– Отпустите меня, – заверещала тетка. – Ты что... – Она стала ругаться матом и довольно сильно пинать меня ногой.

Я отпустила ее и посмотрела на Игоряшу, который, как и Настька, застыл в полном ужасе рядом с Никитосом.

– «Скорую» вызывай. И полицию.

– Зачем полицию? – вдруг другим тоном заговорила тетка, отряхивая снег. – Договоримся!

– Я сейчас с тобой договорюсь! – Я довольно сильно пихнула ее.

Я понимаю, что совершенно неправильно было с ней драться. Отпихивать, толкать, называть на «ты». Неправильно с точки зрения кого и чего? Высококультурной интеллигенции, которая – в России – в проигрыше всегда?

Никитос тем временем застонал и попытался встать.

Я присела к нему.

– Никита, Никитушка, осторожно...

Он открыл глаза.

– Я доехал до конца? – спросил он.

– Доехал, доехал... – Я погладила его по шапке. Весь лоб был в крови и грязи. Я пыталась как-то аккуратно вытереть грязь, но она только втиралась в рану.

В нарушение всех законов московской действительности «Скорая» приехала через пять минут – поликлиника через два дома. А полиция и того быстрее – стояли, видимо, где-то рядом.

Пока полицейские вразвалочку шли к нам, тетка еще пару раз предлагала «договориться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.